

Вальтер Гёрлиц

Германский
Генеральный
штаб

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА

1657—1945

Вальтер Гёрлиц
Германский Генеральный штаб.
История и структура. 1657-1945

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617895

Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945: Центрполиграф; М.; 2005

ISBN 5-9524-1591-1

Аннотация

В. Гёрлиц увлекательно и подробно осветил историю создания германского Генерального штаба, начиная с XVII века, периода зарождения прусско-бранденбургской армии, когда впервые упоминается Генеральный штаб, и до окончания Второй мировой войны. Автор рассказывает, как складывалась каста генштабистов, подчеркивает особое значение связки начальник штаба – командующий, детально рассматривает «управленческую триаду», рисует яркие портреты офицеров Генерального штаба, объясняет сложную структуру командования немецкими войсками во Второй мировой войне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вальтер Гёрлиц

Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945

Глава 1 ИСТОКИ

I

Прусский Генеральный штаб – плод конкретной стадии европейского развития, порожденный сочетанием абсолютной монархии с регулярной армией, ставшей неотъемлемой частью государства после Тридцатилетней войны.

В 1525 году Великий магистр Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский передал в светское пользование последние территории бывшего орденового государства. Он перешел в протестантскую веру и принял от своего дяди, короля Сигизмунда, Восточную Пруссию. Военный историк фон Беренхорст уже в конце XVIII века утверждал, что не прусская монархия была страной, имевшей армию, а у армии была страна, которую она использовала в качестве территории дислокации. «Национальной профессией Пруссии является война», – писал Мирабо, а современники язвили, что если во всех странах армия существует для государства, то в Пруссии государство существует для армии. В сущности, это не так уж далеко от истины; история Пруссии является, по сути, историей прусской армии.

Во время Тридцатилетней войны спекулятивная торговля наемниками превратилась чуть ли не в основную отрасль экономики. Добровольной вербовки было уже недостаточно. Вербовщики хватали людей где попало и принуждали записываться в армию. Дело было поставлено на поток. Любой вербовщик за солидный выкуп отпускал пойманных людей и тут же был готов перекупить у другого вербовщика излишний «улов». Так Великий магистр заложил основы регулярной прусской армии и, соответственно, Пруссии. Династия Гогенцоллернов расширяла свои владения, наследуя и завоевывая новые земли; армия железным кольцом окружала эти территории. Строго говоря, никогда не существовало прусской нации, но была прусская армия и прусское государство.

Помимо армии опорой абсолютной монархии Гогенцоллернов являлся протестантизм со специфическим прусским оттенком и патриархальная система землевладения в лице крупных землевладельцев, юнкеров. В зависимости от решения короля находились, несомненно, все вопросы церковного управления; что же касается землевладельцев, то посягательства монарха на некоторые привилегии, которые они имели благодаря своему положению, компенсировались личной юрисдикцией и правом распоряжаться своими крепостными.

Трудно вообразить прусскую армию без юнкеров Восточной Эльбы, без этой прусской аристократии, которая на протяжении двух столетий снабжала армию и прусский Генеральный штаб офицерским составом. Фактически история Генерального штаба неразрывно связана со сравнительно небольшим количеством знатных семейств. Юнкеры заметно отличались от остального прусского дворянства, однако следует заметить, что зачастую их владения не приносили прибыли. Они были освобождены от поборов, не считая ничтожно малого налога, сохранившегося еще с феодальных времен и регулировавшего отношения

между феодалом и сюзереном. В случае войны крестьяне, присягнувшие на верность, были обязаны предоставить лошадей, а дворяне лошадь и всадника; вместо лошади разрешалось внести сопоставимую сумму.

С генетической точки зрения юнкерство являло собой невероятную смесь. Можно сказать, что своего рода основу составляли такие фамилии, как Вендиш, Кассубиан, Зитенс, Манштейн, Йорк, имевшие «пруссские корни». В гугенотских поселениях преобладали французы. Объединение Силезии и польских территорий привело к наплыву поляков; обедневшее польское дворянство активно стремилось служить прусскому монарху. До 1806 года поляки составляли приблизительно одну пятую высшей и одну четверть низшей аристократии. Хотя поляки полностью онемечились и их привычки и мировоззрение ничем не отличались от германцев, придирчивый наблюдатель отмечал свойственное полякам непомерное высокомерие и склонность к необузданной расточительности.

II

Зарождение службы Генерального штаба (Generalstabsdienst) относится примерно к 60-м годам XVIII века, периоду формирования прусско-бранденбургской армии. В то время заслуженной славой пользовалась шведская армия, и великий курфюрст выбрал ее в качестве образца для создания так называемого штаба генерал-квартирмейстеров. В ведении штаба находились все инженерные службы. Штаб осуществлял контроль за передвижением войск, занимался выбором мест для палаточных лагерей и укрепленных районов. Первое упоминание о Генеральном штабе появляется в 1657 году в записях бранденбургского генерал-квартирмейстера, обер-лейтенанта инженера Герхарда фон Белликума. Судя по записям, его помощником был обер-лейтенант инженер Якоб Хольстен, называвшийся заместителем генерал-квартирмейстера.

Представление о начальной структуре Генерального штаба можно получить из платежных ведомостей того времени. Одним из первых упоминается генерал-интендант, отвечавший за обмундирование, вооружение, продовольствие и размещение. В распоряжении этого офицера находился главный сержант, звание, перешедшее из армии нового образца Кромвеля.

Далее идут: два генерал-адъютанта; генерал, отвечавший за продовольствие; генерал-аудитор (инспектор), занимавшийся вопросами, связанными с военным правом; генерал, ведавший транспортными делами, и «силовой», который курировал проблемы правопорядка. Фактически, ни генерал-квартирмейстер, ни «силовой» генерал не считались старшими офицерами Генерального штаба. Подобная честь выпала генералу артиллерии, Фрейхеру фон Спару, одному из по-настоящему великих генералов.

В 1670–1673 годах среди подчиненных Белликума мы находим некоего Филиппа де Чиезе, или Чиеза, известного скорее как создателя потсдамской крепости и берлинского монетного двора, нежели солдата, и, кроме того, как строителя подвесной почтовой дороги, так называемой «берлинки». До 1699 года дела Чиеза, как и таких французских офицеров, де Майстре, дю Пюи и де Бриона, шли весьма успешно. Что касается личного состава квартирмейстерской службы, то он, согласно старшинству, выглядел следующим образом: старший квартирмейстер, квартирмейстер Генерального штаба и квартирмейстер штаба. Перечисленные должностные лица составляли технико-административную часть штаба, которая, по правде говоря, никогда не создавалась на постоянной основе. Стоило разразиться войне, и генеральный военный комиссариат, как поначалу назывался Генеральный штаб, собирался заново.

В Австрии, чьим правителям не хватало военного опыта, развивался несколько иной институт, так называемый Королевский военный совет, который включал правителя и группу

людей с опытом действительной военной службы. Этот совет разрабатывал оперативные планы, то есть занимался тем, чем в сегодняшнем нашем понимании занимается Генеральный штаб.

Однако в Пруссии великий курфюрст сам был генералиссимусом и начальником штаба. Его внук, король Фридрих-Вильгельм I, заложил традицию, по которой король *ipso facto*¹ являлся Верховным главнокомандующим, руководящим армией на полях сражений.

При нем форма стала официальным нарядом правителя, и, тем самым, самой изысканной одеждой. Офицерская служба была привилегией аристократии. Офицер привык рассматривать себя в качестве слуги монарха, олицетворявшего собой государство, и воинская присяга, которой юнкер присягал на верность своему суверену, приобрела новую, глубокую значимость. Понимание личной преданности являлось реальной моральной основой армии. Действительно, прусских, а позже германских офицеров отличал высочайший моральный дух.

Новое государство, подобно Австрии и России, получилось милитаристским. Даже гражданская администрация перенимала военные манеры, и красноречивое тому доказательство наименование вышестоящих правительственных чинов – член военного совета (Kriegsrat). За исключением Академии наук, все образовательные учреждения служили исключительно военным целям. К примеру, кадетские школы (Ritterakademie) и Военная академия (Militärakademie) предназначались для обучения дворян. Инженерная академия (Ingenieurakademie) выпускала военных инженеров, а медицинская школа (так называемая *Periniere*) готовила полковых врачей.

При Фридрихе-Вильгельме I концепция так называемого «прусского повиновения и подчинения» стала основополагающим принципом поведения прусского офицерства, однако в те дни это не было слепым повиновением. Командир кавалерии фон Седлиц писал в мемуарах, что, когда в 1758 году в битве при Цорндорфе Фридрих Великий приказал атаковать русских пехотинцев, он ответил: «Скажите его величеству, что после битвы моя жизнь будет в его распоряжении, но пока продолжается бой, я намереваюсь использовать ее в своих интересах».

III

Великий курфюрст завещал тридцатитысячную армию своему преемнику. Фридрих I увеличил ее до сорока тысяч, а армия Фридриха-Вильгельма I составляла уже восемьдесят тысяч человек. К 1786 году, после смерти Фридриха Великого, армия насчитывала двести тысяч человек. Эти данные свидетельствуют о выходе Пруссии к концу XVIII века на уровень великой державы. Три победы, одержанные в Силезских войнах, и раздел Польши в 1772 году прибавили к владениям Фридриха Западную Пруссию и Силезию, а его победы в Семилетней войне упрочили репутацию прусской армии в Европе. Однако не военное искусство Фридриха уберегло Пруссию от уничтожения более мощными соседями.

Подобно предшественникам, Фридрих Великий являлся начальником штаба. Его квартирмейстерская служба была схожа с ранее описанной и включала около двадцати пяти офицеров. Правда, теперь в штаб входил корпус связных и ординарцев, и появился институт начальников оперативно-разведывательного отделения штаба. Эти офицеры перемещались с места на место и оказывали помощь генералам, поставляя необходимую информацию, разведывательные данные и тому подобное. Естественно, эти службы должны были действовать в непосредственном контакте с королем. Фридрих Великий лично занимался подготовкой штабных офицеров, и ежегодно двенадцать блестящих офицеров с академическим

---

¹ В силу очевидного факта (лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)

образованием (лучших выпускников Academie des Nobles) пополняли ряды оперативно-разведывательного отделения штаба. Но, несмотря на это, пока и речи не было о Генеральном штабе в нашем понимании этого слова. Король еще не имел авторитетного штата военных советников.

По нашему мнению, необходимо отметить зарождение института, с которым у военно-хозяйственного управления с течением времени развилась острая борьба. Речь идет о генерал-адъютантской службе, исходной ячейки наиболее характерной прусской особенности – военного кабинета прусских королей. При первых прусских королях эта служба была преимущественно занята документацией. Фридрих Великий несколько расширил сферу ее деятельности в связи с новой системой «директив», необходимость которых диктовалась исключительностью момента.

Известно, что во время Семилетней войны театры военных действий были разбросаны по значительной территории, и от командующих большими группами армий ожидалось большей самостоятельности действий. Соответственно офицерам следовало дать определенную свободу для принятия решений. В подобных случаях король предпочитал, помимо штабных офицеров, прикомандировывать к полевым командирам генерал-адъютанта или личного адъютанта, чьи обязанности, по сути, сводились к роли королевского комиссара. Во время Семилетней войны пять таких адъютантов были прикомандированы к пехоте, два к кавалерии и самый известный из адъютантов, Ганс фон Винтерфельд, один из ближайших друзей короля, служил под его непосредственным началом.

С 1758 года Генрих Вильгельм фон Анхальт единственный из генерал-адъютантов имел секретаря. Он был незаконнорожденным сыном принца Вильгельма фон Анхальт-Дессау и славившейся красотой дочери священника. Этот человек вступил в прусскую армию под именем Густавсон и служил в квартирмейстерской службе. В 1761 году Фридрих пожаловал ему дворянское звание, и с 1765-го по 1781 год в ранге полковника он занимал посты первого генерал-адъютанта и начальника квартирмейстерской службы. Особый интерес представляет тот факт, что в период раздела Польши и в войне за баварское престолонаследие в 1778 году этот человек сыграл такую большую роль в решении задач, касающихся различных отрядов войск, что о нем можно говорить как о начальнике штаба Фридриха. Он вряд ли относился к разряду приятных людей, напротив, за ним закрепилась репутация грубого солдафона. Но одна характерная черта объединяла его с будущими начальниками Генерального штаба: по большей части его деятельность держалась в секрете, и он оставался практически неизвестен широкой публике.

IV

В XVIII столетии войны велись по своим собственным правилам. Экономическое и даже политическое могущество государств, сторонников абсолютизма, было ограниченным, а это, соответственно, сказывалось на военных нуждах. Профессиональные армии Гогенцоллернов, Габсбургов и Бурбонов требовали больших затрат. Финансовая проблема решалась благодаря отработанной системе налогообложения и рациональному и интенсивному использованию наследственных земель. В жертву дисциплине было принесено абсолютно все: в прусской армии не существовало таких понятий, как гуманность, права личности, частные интересы. Пехота вступала в бой развернутым, математически выверенным строем. Солдаты выполняли все по команде, действуя абсолютно синхронно. Цель состояла в том, чтобы солдаты перемещались и вели огонь как нечто единое целое, словно хорошо отлаженный механизм. Личность как таковая в расчет не принималась. Фридрих Великий отмечал, что солдат должен бояться палки унтер-офицера больше, чем вражеских пуль; если солдаты начнут думать, то ни один из них не останется в армии. Следует учитывать только

два момента: скорость передвижения и огневую мощь. Использование железного шомпола, введенного в обиход прусской армии герцогом Леопольдом Анхальт-Дессау, оказало значительную помощь в решении этой задачи, поскольку деревянный шомпол имел склонность быстро приходить в негодность.

В те годы командирам не требовались специальные приборы, чтобы следить за ходом сражения. Достаточно было просто расположиться на небольшой возвышенности, поскольку малая дальность действия оружия ограничивала размеры поля битвы, и отдавать команды голосом. Цели, преследуемые войнами, были столь же скромными, как масштабы военных операций. Войны велись за овладение крепостью или областью. Еще не было и в помине смертельной борьбы между народами, не говоря уже о войнах на идеологической почве.

Военная стратегия того времени, напоминая шахматную стратегию, концентрировалась на разумном маневрировании и, насколько возможно, избегала принятия трудных решений, связанных с прямым столкновением. Граф Вильгельм фон Шаумберг-Липпе, один из наиболее значимых военных историков того времени, писал в своих воспоминаниях, что военное искусство должно состоять в том, чтобы избежать войны, или, по крайней мере, постараться уменьшить причиняемое ею зло. Одной из наиболее типичных войн XVIII века была война за баварское наследство, когда в 1778 году Фридрих Великий повел борьбу с целью воспрепятствовать объединению Австрии и Баварии. В данном случае король и его брат, принц Генрих, каждый во главе восьмидесятитысячной армии, двинулись из Силезии и Лозницы в Богемию, в то время как австрийцы укрепили свои позиции на Верхней Эльбе. Однако проблема была урегулирована не с помощью военных действий, а путем дипломатических переговоров. Пока понятие войны на уничтожение проявлялось только в турецких войнах против Габсбургов на Балканах; Османская империя свято чтит традиции Тимура и Чингисхана. Но эти войны происходили на территориях, располагавшихся в какой-то степени на периферии внимания Европы XVIII столетия.

Однако уже наступали перемены. В середине века в изысканный мир рококо ворвались два события: индустриальная революция и просвещение. С наибольшей очевидностью это произошло в Англии и Франции. Спекулянты скупали родовые имения, и это было знаком времени. Деловая активность буржуазии и ее способность «делать деньги» начали ощутимо прорывать заколдованный феодальный круг. Эти изменения тут же нашли отражение в сфере военной деятельности. Техническая компетентность стала представлять опасность традиционной табели о рангах, особенно в артиллерии, которая теперь, по существу, стала оружием государства. Герхард Иоганн Шарнхорст, сын фермера-арендатора, начал карьеру в качестве офицера артиллерии в ганноверской армии. Даже Пруссии не удалось устоять против скрытой классовой войны, которая была вызвана стабильным притоком офицеров из среднего класса в артиллерию и инженерные части.

Тем временем военная мысль XVIII века занималась тем, что называется *reductio ad absurdum*². В неких умах возникла убежденность, что военное искусство, по сути, является предметом математических вычислений. Этому мнению придерживались фон Темплехоф, прусский полковник артиллерии, и Дитрих Генрих фон Бюлов, барон, гвардейский офицер. Теории Бюлова страдали метафизичностью; он чрезвычайно увлекался формальными моментами. В квартирмейстерском штабе самым известным представителем «математического» направления был полковник Кристиан фон Массенбах. Вне всякого сомнения, измышления подобного рода привели к исчезновению эффективных форм борьбы. После чего фон Салдерн, один из генералов времен Фридриха Великого, заявил, что суть всей военной подготовки лежит всего лишь в преобразовании учебного плаца.

² Доведение до абсурда (лат.).

V

Застой военной системы Фридриха Великого привел к бюрократизации армейского командования. При Фридрихе-Вильгельме II, преемнике Фридриха Великого, стало ясно, что для управления всеми делами монархии сил одного человека слишком мало, в особенности если этот человек предается радостям жизни, как это делал монарх. Вот почему в 1787 году был образован Высший военный совет (Ober-Kriegs-Kollegium), под руководством двух фельдмаршалов, графа Брунсвика и фон Меллендорфа, совет, исполнявший роль верховного военного органа. В совет входили три ведомства: одно занималось вопросами мобилизации и снабжения, другое – оснащением армии, а третье патронировало инвалидов войны. Кроме того, по крайней мере теоретически, под контролем совета находились генерал-адъютантское и квартирмейстерское ведомства. Генерал-адъютант пехоты, кем бы он ни был, подчинялся генерал-адъютантскому департаменту, который занимался вопросами, связанными с офицерским составом, гарнизонами, вооружением и всеми правовыми и уставными вопросами. В состав квартирмейстерского штаба входило от двадцати до двадцати четырех человек; теперь у них появилась собственная форма. В пехоте форма штабных офицеров состояла из бледно-голубого мундира с красной обшивкой и темно-желтого жилета и брюк; у артиллерийских офицеров мундир был белым. Помимо уже перечисленных обязанностей этот департамент в 1796 году попросил разрешения заняться типичной для Генерального штаба деятельностью, а именно составлением военных карт. С этой целью к квартирмейстерскому штабу были прикомандированы тринадцать инженеров-географов, топографов, местом расположения для которых был избран королевский замок в Потсдаме. По большей части эти «инженеры-географы» являлись представителями среднего класса, буржуазии; юнкеры считали ниже своего достоинства возиться с цветными карандашами и циркулями.

В дальнейшем время от времени происходил кадровый обмен между генерал-адъютантским и квартирмейстерским департаментами. Первый пехотный генерал-адъютант полковник фон Гессау впоследствии возглавил квартирмейстерский департамент. Но даже в этом случае департаменты продолжали соперничество. В конечном итоге генерал-адъютантская служба добилась господствующего положения не только по отношению к генерал-квартирмейстерской службе, которой так и не удалось подняться выше уровня обычной технической службы, но и над Высшим военным советом, который, имея весьма смутные представления о круге своих обязанностей, в значительной мере пострадал от этих разногласий. В результате генерал-адъютантская служба превратилась во всемогущий военный кабинет прусских королей, государство в государстве. По крайней мере одна из причин активных призывов Штейна к реформированию военного кабинета заключалась в способности кабинета с помощью секретной информации оказывать влияние на короля. Однако, несмотря на недостатки, генерал-адъютантская служба, как показало время, была наиболее близка к современному Генеральному штабу.

VI

Как ни странно, прусская армия продолжала оставаться признанным образцом для Европы, причем настолько, что непосредственно перед французской революцией французский военный министр подумывал о переносе во Францию военной структуры и строевого устава Пруссии. Французская революция явилась поворотным моментом во всех сферах жизни, включая военную, и в очередной раз продемонстрировала жизнестойкость Франции.

Ничто в то время не представляло большего контраста, чем настроения, царившие в Германии и Франции. После изнурительной Семилетней войны Германия истосковалась по

миру. Это стремление к миру нашло свое отражение в трактате Канта «К прочному миру», в котором война обличается как разрушитель добра и источник всяческого зла; подобные рассуждения встречаются у Шиллера и в работах Гердера. Во Франции торжествовали иные чувства. Французская революция несла не только идею свободы и равенства, она породила национальное государство, которое, в свою очередь, создало феномен вооруженного государства, да и в целом продемонстрировала новые потенциальные возможности. Развитие Пруссией этой концепции стало одним из непредвиденных следствий революции, которое, по примеру Германии, в свое время подхватили восточные славяне.

Французы постепенно стали разочаровываться в существующем положении, и умеренные лидеры Национального собрания, искренне стремившиеся примирить старорежимных офицеров с революцией, неожиданно столкнулись со следующей проблемой. Высказывалась мысль предложить командование революционной армией графу Брунsvику или гессенскому генералу и министру графу Эрнсту Генриху фон Шлифену, последователям школы Фридриха Великого. В 1791 году строевой устав французской армии практически не отличался от устава королевской армии.

Борьба со старыми порядками в армии началась в то время, когда к власти пришли наиболее радикальные элементы революции, якобинцы. Многих офицеров казнили только по причине их благородного происхождения; казармы, парадные плацы и все то, что напоминало о прежней железной муштре, стало вызывающими отвращение символами старого порядка. Во многих полках были сформированы «солдатские комитеты», прообразы «солдатских советов» 1918 года. В то время как в Страсбурге проходил съезд полковых делегатов, двадцать тысяч моряков подняли мятеж в приморском Бресте.

Национальная гвардия, организованная с целью защиты имущих классов, постепенно превратилась в исходную ячейку народной армии. Когда в 1792 году Пруссия, Австрия, Англия и Испания создали коалицию против французской революции, лидеры революции взывали к патриотизму широких масс, и депутат Дюбои-Кранч внес в Национальное собрание законопроект о всеобщей воинской повинности. Этот законопроект тут же обрел силу закона, и с легкой руки Бара началось прославление ставшего под ружье народа.

VII

Кампания 1792 года, этот крестовый поход королей, потерпела неудачу. Французская народная армия, полностью опрокинув традиции, продемонстрировала новую манеру боя, что-то вроде наступления разомкнутым строем огромной массы людей. Французов не отличало особое мастерство, но действовали они чрезвычайно эффективно. Мало того, революционные французские войска, имея мало общего со стоящей особняком властью, не рассматривали войну как какое-то исключительное событие. Этим, вероятно, объясняется их беспрецедентная жизнеспособность. В ситуациях, когда с вышколенными, хорошо вооруженными войсками было бы уже покончено навсегда, они умудрялись оправиться от поражений.

Существовал и экономический момент. Дешевого пушечного мяса с появлением народной армии стало в изобилии. Теперь не требовалось силой загонять народ в армию, а значит, не было необходимости иметь дорогостоящий мобилизационный аппарат. Старый феодальный порядок рухнул. Появилась новая народная армия. С Францией следовало заключить мир, поскольку, как заметил князь Гогенлоэ, нельзя взять верх над сумасшедшими.

Уроки пошли на пользу. Кант, Шиллер, Гельдерлин и Гердер были не единственными, кто с энтузиазмом приветствовал революцию. Ряд молодых офицеров, вроде майора генерал-квартирмейстерского штаба фон дер Кнезебека и лейтенанта фон Бойена (в то время простого пехотного офицера из Восточной Пруссии), продемонстрировали заметное распо-

ложение к новым тенденциям, пришедшим с Запада. Военные писатели, такие, как Георг Генрих фон Беренхорст, теперь отказались от математической концепции войны и принялись объяснять военную тактику с точки зрения политических переворотов. Беренхорст пришел к заключению, что следует заменить профессиональную армию кадровой армией на основе местной милиции (ландмилиции). Фон Бюлов активно поддерживал его точку зрения и в особенности настаивал на значении новой тактики перестрелки.

Однако новая «доктрина ползания по-пластунски» не нашла отклика в Высшем военном совете и в генерал-адъютантском штабе, а к ее сторонникам отнеслись с насмешкой и презрением. Особому остракизму подвергся фон Бюлов. Только горстка генералов во главе с генерал-лейтенантом фон Рухелем и генерал-лейтенантом Курбье, который возглавлял прусскую гвардию в последней кампании, настаивала на всеобщей воинской повинности и неожиданно получила поддержку со стороны штабных офицеров, близких Кнезебеку. К сожалению, их взгляды вошли в столкновение с принципами юнкеров Восточной Эльбы, поскольку затрагивали права землевладельцев в отношении крестьян и личной собственности. Последствия французской революции отозвались в сердце Пруссии. По Силезии, отличавшейся особенно деспотичной системой, прокатились крестьянские восстания. Целые деревни испытали на себе самое варварское обращение со стороны командиров.

Тем не менее французская революция опрокинула прежний порядок вещей, приведя к изменениям во всем мире. Прусская армия не могла не признать этого факта. Изменения привели к беспрецедентному расширению театра и целей войны; борьба стала ожесточеннее и бесчеловечнее. Довольно интересно, что рождение народных армий совпало по времени не только с французской и английской промышленной революциями, но и с биологической фазой, связанной с увеличением народонаселения в странах Европы.

Революционные массы опрокинули существовавшее в XVIII веке мнение, что война является занятием аристократов. Теперь Франция воевала на Рейне, в Южной Германии, Бельгии, Северной Италии, Египте, Сирии, на своих южных и западных окраинах. Она сражалась с армиями Пруссии, Австрии, Испании, Англии, России, Турции и против собственных контрреволюционеров. В 1794 году Франция имела миллионную армию.

Теперь один командующий не мог руководить огромным войском. Столь же невероятным представлялось одновременно осуществлять руководство на нескольких театрах войны, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Стало ясно, что новое положение дел требует радикальных изменений в стратегии и тактике войны: требовалось точно определить такие понятия, как армия, дивизия, корпус. При Фридрихе Великом существовало понятие групп, но эти группы не представляли конкретную функциональную модель. Их состав менялся по ходу возникающей ситуации. Теперь все изменилось: появилось новое войсковое соединение – дивизия.

VIII

В связи с этим возникла новая проблема: как осуществлять связь между командованием и дивизиями? Штабные офицеры, прикомандированные к дивизиям, обеспечивали доставку и разъясняли приказы, направляемые сверху. По всей видимости, эти офицеры должны были иметь высокую профессиональную подготовку. Ведомство военного министра Карно играло роль своего рода поставщика таких офицеров. Хотя оно являлось скорее организацией, связанной с вопросами пополнения и снабжения армии, и не имело никакой власти, однако готовило специалистов в соответствии с требованием времени. В связи с этим хочется отметить одну характерную особенность этого ведомства: его работа отличалась стремлением к анонимности. Сегодня это является практически сутью штабной работы. Как однажды заметил генерал фон Сект, у штабных офицеров нет имен.

Таким образом, процесс ведения войны постепенно оказывался в руках специалистов. Этот процесс, ведущий свой отсчет с французских революционных войн, ускорился благодаря техническому прогрессу XIX века. Никто более офицеров Генерального штаба не ощутил на себе воздействие деперсонализации. Две диаметрально противоположные силы оказали влияние на процесс формирования германского Генерального штаба: расслоение феодального общества старой Пруссии и новый национализм французской революции. Великому реформатору Шарнхорсту была предоставлена возможность примирить эти противоречивые силы и тем самым совместить старое с новым.

Глава 2

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Шарнхорст и Гнейзенау, идеалисты

I

В 1801 году Герхард Иоганн Шарнхорст обратился к королю Пруссии с просьбой принять его на службу в прусскую армию. Его желание было понятно: в то время служба в прусской армии сулила большие возможности для продвижения, чем в датской армии, где ему предлагалась соответствующая должность. Заявление Шарнхорста сопровождалось тремя любопытными просьбами. Он просил присвоить ему звание подполковника, пожаловать дворянский титул и позволить провести реформу прусской армии. По всей видимости, как доказательство профессионального уровня, к заявлению были приложены три проекта реформирования различных направлений военной науки.

Безусловно, подобное заявление в случае Шарнхорста носило необычный характер. Не было никаких видимых причин, подтолкнувших бы его к избранию карьеры военного. Он родился в 1755 году в Боденау в семье крестьянина-арендатора, бывшего сержанта ганноверской артиллерии. Мать Шарнхорста была племянницей одного из придворных поставщиков. Брат отца поставлял рыбу к столу ганноверского курфюрста. Шурин был мельником. Мало того, у Шарнхорста отсутствовало то, что пруссаки обозначают словом *stramm*³, а его лицо с мясистым носом и саркастически изогнутыми губами ни в коей мере не подходило кадровому прусскому офицеру.

Он производил жалкое впечатление на парадах; его приказы не выполнялись неукоснительно, и он не обладал тем особым искусством красноречия, которое способно вдохновить рядовых солдат.

Однако к чести прусской армии следует сказать, что, несмотря на всю необычность ситуации, заявление Шарнхорста было принято. Шарнхорст учился в знаменитой военной школе графа Вильгельма фон Шамбург-Липпе, реорганизатора португальской армии и сторонника революционной идеи всеобщей воинской повинности. Шарнхорст приобрел известность в период революционных войн в Бельгии. Будучи начальником штаба генерала фон Гаммерштейна, коменданта крепости Менин, Шарнхорст руководил вылазкой из осажденной крепости. После чего Шарнхорст был назначен начальником штаба графа Вальмодена, командующего ганноверскими войсками. К этому времени Шарнхорст был уже на весьма хорошем счету, но скорее производил впечатление рассеянного ученого, чем бравого офицера. Кроме того, он блестяще владел пером и редактировал серьезный военный журнал.

II

Вступление Шарнхорста в прусскую армию совпало с разногласиями во второй антифранцузской коалиции между Россией и Англией и захватом неограниченной власти после переворота 18 брюмера Наполеоном (он фактически стал диктатором). В это время Пруссия переживала одну из наиболее закрытых стадий своей богатой событиями истории. Действительно, она не была больше Пруссией Фридриха-Вильгельма II, который находил удо-

---

³ Подтянутый, молодцеватый (*нем.*); *strammer Offizier* – бравый офицер (*нем.*).

вольствие в обманчивом, но восхитительном закате старого режима. Исчезли толпы ярких любовниц. Произошли и другие благотворные изменения, но, хотя возмутительные явления исчезли из прусской жизни, на их месте образовалась пустота. В области дипломатии, обороны, администрирования и в социальной сфере государственная машина работала с самодовольной некомпетентностью, удивительной даже по стандартам XVIII столетия. Большинство признавало необходимость реформы, но почти никто не отваживался на действия. Таким образом, не осталось ничего от прусской политики, отмеченной осторожным консерватизмом. В это время Наполеон установил власть над Южной и Западной Германией, Бельгией, Швейцарией и Италией. Из Египта он угрожал британскому владычеству в Индии. Однако Пруссия, насытившись территориями, полученными после второго раздела Польши, всеми силами старалась сохранить нейтралитет, что было не политикой, а скорее отсутствием вообще какой-либо политики.

Внутреннее положение было ничем не лучше. Дворянство, повязанное кровным родством, упрямое, амбициозное и жадное, удерживало все ключевые посты в своих руках. В особенности в армии. Только в артиллерии можно было обнаружить полковника, имевшего недворянское происхождение. По правде сказать, юнкерству, которое таким людям, как Штейн, казалось пародией на истинное дворянство, уже пора было отказаться от всегдашней тупоумной самоуверенности и упрямства, с которым оно цеплялось за старую жизнь.

Между тем именно под руководством юнкерства армия, главная опора этого государства воинов и колонизаторов, двигалась от плохого к еще более худшему. Устаревшие приемы муштры, издевательские методы поддержания дисциплины, наказания плетью и прогон сквозь строй делали армию чем-то сродни огромной средневековой тюрьме. Довольно часто в небольших гарнизонных городах Восточной Эльбы мирные бюргеры вздрагивали от доносящихся из темноты резких залпов сигнальной пушки, сообщавшей, что солдат или группа солдат дезертировали из армии.

Требовалась более сильная личность, чем правящий монарх Фридрих-Вильгельм III, чтобы держать в повиновении это расшатанное хозяйство. Но в любом случае Фридрих-Вильгельм прекрасно осознавал существующее положение, даже если и был не в состоянии что-то изменить. Какое-то время он носился с идеей освобождения крестьян, хотя это так ни во что и не вылилось, и, безусловно, осознавал, что необходимо что-то делать с армией. В меморандуме 1795 года он ссылаясь на этот институт как на больной организм, которому необходимо оказать помощь в оздоровлении. Весьма меткое замечание!

III

Несмотря на вышесказанное, в случае с Шарнхорстом Пруссия сдержала свое слово, и его необычное требование о получении дворянского титула было выполнено вскоре после зачисления в прусскую армию. Более того, зачисленному в штаб квартирмейстерской службы, ему поручили руководство военными школами, а уже в июле 1801 года Шарнхорст основал в Берлине Военное общество (Militärische Gesellschaft), поставившее перед собой цель реформировать армию.

Президентом этого общества стал генерал-лейтенант фон Рюхель, губернатор Потсдама и инспектор гвардии. Адьютант Рюхеля, майор фон Кнезебек, с энтузиазмом относился к идее 1789 года относительно укрепления армии с помощью местной милиции. Приблизительно в то же время Шарнхорсту пришла мысль использовать национальную милицию при создании народной армии.

Общество пополнили молодые офицеры, лейтенанты и капитаны, в их числе были Бойен, Грольман, Клаузевиц и Рюхле фон Лилиенштерн, горячие сторонники Шарнхорста. Однако приверженцы старой школы сдерживали пыл этих энтузиастов, проявляя определен-

ный научный интерес к новым тенденциям, но и внося критический дух, желая сдерживать излишний пыл молодых офицеров. К старой гвардии относились полковник фон Пфуль, сотрудник штаба, и полковник Ганс фон Йорк, в то время командир стрелкового полка. Из этих двоих фон Йорк отличался особой придирчивостью и критиканством. Он служил в иностранном легионе на Яве и в Кейптауне и во время службы ознакомился с нововведениями, касающимися структуры армии. Будучи непреклонным старым прусским традиционалистом, он, естественно, отказывался признать, что новая тактика предполагает изменение социального строя. Кроме того, он заявлял, что в обществе ведется слишком много «заумных» разговоров, гораздо больше, чем могут переварить «честные прусские» умы.

Большинство генералов сомневалось в успешности применения французской модели массовой народной армии, предлагаемой для пересмотра системы Фридриха Великого. Рюхель имел обыкновение говорить, что в прусской армии есть ряд генералов, обладающих качествами «господина Бонапарта». Однако Шарнхорст, изучая Наполеоновские войны, ни на минуту не сомневался в том, что французская революция привела в движение мировую систему, вызвала серьезные изменения в мире. Шарнхорст видел военное значение происшедших изменений. Наполеон с помощью всеобщей воинской повинности в полной мере использовал людские ресурсы; создал новую тактику построения пехоты на поле боя; произвел деление армии на дивизии, укомплектованные всеми видами вооружения; и последнее, но отнюдь не менее важное, создал Генеральный штаб армии. Авторитета Шарнхорста и силы его убежденности было вполне достаточно, чтобы доказать необходимость использования новых идей для проведения реформ в прусской армии.

Однако следует заметить, что Шарнхорст отнюдь не был революционером. Он стремился, сохраняя ценные традиции прошлого, органично перейти от старой системы к новой. В этом отношении он был своего рода копией Штейна, который рассматривал реформирование гражданского общества как естественное развитие исторического процесса. Кроме того, Шарнхорст ясно представлял, что создание милиции, введение всеобщей воинской повинности неизбежно повлекут за собой ослабление крепостной зависимости. Освобождение крестьян и принятие всеобщей воинской повинности – два взаимосвязанных условия. Гегель, ставший впоследствии философом всемогущего государства, уже предавался мыслям об идеальном немецком устройстве. Для Шарнхорста была очевидна зависимость между всеобщей воинской повинностью и освобождением народа, и он требовал и того и другого.

Возглавив Военную академию, Шарнхорст взялся за обучение нового поколения офицеров, которые должны были сыграть важную роль в последующие десятилетия. Это поколение отличалось высоким чувством ответственности и идеализмом. Среди учеников Шарнхорста были молодые люди, впоследствии завоевавшие известность. Лейтенант Карл фон Клаузевиц, выходец из обедневшей семьи теологов-протестантов; штаб-капитан Карл Вильгельм фон Грольман, сын высокопоставленного судейского чиновника; лейтенант Август фон Лилиенштерн, сын возведенного в дворянское достоинство прусского офицера из Франкфурта; штаб-капитан Герман фон Бойен. Показательно, что все эти люди, так же как Штейн и Гарденберг, вели свое происхождение не от юнкеров Померании, а совсем из других областей и слоев общества. Ученики Шарнхорста, впоследствии сформировавшие ядро прусского Генерального штаба, получили достойную нравственную и интеллектуальную подготовку. Не напрасно программа элитной военной школы 1790 года включала философию Канта; категорический императив (принцип этики Канта, основанной на понятии долга) воодушевлял этих людей.

Шарнхорст, человек повышенной восприимчивости, искренне верующий христианин, полностью осознавал все неприятные аспекты военной профессии. Он понимал, какую серьезную ответственность влечет за собой ведение войны. Шарнхорст вырастил поколение людей, которым нельзя отказать в уважении, и воспитал их в уверенности, что война

как способ решения политических проблем допустима только в экстраординарных обстоятельствах, когда нет уже другого выхода. Снова и снова Шарнхорст предостерегал против кабинетной политики, ведущейся тайно и недозволенными методами, в которой преобладала военная точка зрения.

Наполеон, сам того не желая, стал учителем немецких государств в сфере военной деятельности. Но в одном отношении его подражатели превзошли учителя. Наполеон стремился сам исполнять функции начальника штаба и составлять оперативные планы. Французский Генеральный штаб был не что иное, как обычный Генеральный штаб армии. Его штаб ничем не напоминал тот многофункциональный Генеральный штаб, который в конечном итоге появился в Германии. Начальник штаба французского императора, маршал Бертье, который в чине французского полковника принимал участие в американской Войне за независимость, был, строго говоря, всего лишь начальником военного управления, в чьи функции входило издавать и передавать приказы и распоряжения.

Следует отдать должное деятельности Шарнхорста в том, что Пруссия выбрала свой собственный курс в развитии военной отрасли. Кроме того, надо отметить изобретательность и организаторские способности такой несколько спорной личности, как полковник фон Массенбах, сотрудник генерал-квартирмейстерского штаба, один из наиболее активных членов Военного общества. Массенбах во многих отношениях был удивительной личностью. Отпрыск благородной семьи из Вюртемберга, невысокого роста, приземистый, лысый, с живым взглядом, он был человеком беспокойного ума, снедаемым честолюбием, и, между прочим, горячим поклонником Наполеона. Массенбах, безусловно, был более яркой личностью, чем Шарнхорст, но излишне взрывной, неуравновешенный, он страдал от своего дурного характера.

В 1801 году фон Массенбах уже составлял инструкции и распоряжения, относящиеся к генерал-квартирмейстерскому штабу. В двух важных документах, датированных январем и ноябрем 1802 года, Массенбах подчеркивал необходимость создания постоянного Генерального штаба, который должен работать даже в мирное время в качестве планирующего органа. Он предложил (его предложение является сутью всей концепции) и в мирное время составлять оперативные планы с учетом возникновения различных ситуаций военного времени. Массенбах рассматривал три возможных театра военных действий: с Австрией, Россией и Францией. Следовательно, предлагаемый им Генеральный штаб должен состоять из трех отделов-бригад. Он предвидел войну с Пруссией и Россией, но отбрасывал мысль о войне с Францией, которой так восхищался.

Далее. Массенбах настаивал (крайне важное предложение) на том, что с разведывательной целью в мирное время должна регулярно проводиться рекогносцировка предполагаемых театров военных действий. Другие новшества были связаны с регулярной сменой места службы в Генеральном штабе и в войсках и с тем, что должно стать наиболее важным правом каждого будущего начальника штаба, – возможностью личного доклада королю, то есть абсолютным правом беспрепятственно общаться с Верховным главнокомандующим, оказывать влияние на решения монарха. Последнее предложение часто повторялось, но сравнительно поздно было проведено в жизнь.

Фридрих-Вильгельм III посчитал меморандум Массенбаха настолько важным, что разослал его генералам с целью получить их мнение об этом документе. Откровенно высказался только Рюхель; большинство дало неясные ответы. Фельдмаршал фон Моллендорф считал, что бессмысленно заранее готовить оперативные планы. Генерал фон Цастров сомневался в целесообразности рассматривать Генеральный штаб в качестве тренировочной базы. Теперь все генералы, считал Цастров, станут демонстрировать способность к руководству и ни один не пожелает выполнять приказы другого.

Тем не менее в 1803 году король, действуя в соответствии с предложениями Массенбаха, приказал генерал-майору фон Граверту провести реорганизацию генерал-квартирмейстерского штаба. Генерал-лейтенант фон Гесау был назначен начальником штаба. Одновременно на него было возложено руководство военным ведомством, Высшим военным советом и инженерным корпусом – значительное расширение сферы деятельности генерал-квартирмейстерского штаба.

Штат генерал-квартирмейстерского штаба состоял из двадцати одного офицера; они все, кроме Шарнхорста, были из титулованных семейств. Трое были генерал-квартирмейстерами, что равносильно полковнику или, в отдельных случаях, генерал-майору; шестеро квартирмейстерами, то есть майорами; шестеро лейтенант-квартирмейстерами, то есть капитанами, и еще шестеро – адъютантами. В штаб входили также шесть «офицеров-географов» вместе с небольшим штатом клерков и связных. В соответствии с планом Массенбаха служба была разделена на три бригады, каждая под началом одного из генерал-лейтенантов-квартирмейстеров (Generalquartiermeisterleutnants); бригады отвечали за один из трех театров военных действий. Назначены были генерал-майор фон Пфуль, сын вюртембергского генерала, Массенбах и Шарнхорст. Первая, или восточная, бригада приняла на себя территорию, охватывающую правый берег Вислы; вторая, южная, бригада – территорию Центральной и Южной Германии, включая Силезию, а третья, западная, бригада – Западную Германию.

В некоторых отношениях обстоятельства, при которых начал действовать новый институт, были не слишком благоприятны. Начальник штаба и три бригадных командира существенно отличались друг от друга. Генерал-лейтенант фон Гесау был старым; его сообразительность до некоторой степени сменилась тугодумием, и он потерял способность с легкостью удерживаться на волнах бюрократического океана. Пфуль был попросту раздражительным педантом, хотя у него и случались проблески озарения, и, по крайней мере, он понимал необходимость реформ. Массенбах, *bel esprit*⁴, к сожалению, был совершенно не способен адекватно оценивать собственное красноречие.

Кроме того, Массенбах, как уже говорилось, оставался последователем математического направления и неизменно возвращался к навязчивой идее, будто всеобщая постановка на военный учет в мирное время равносильна директиве на победу. Но главным препятствием служила его неуравновешенность, которая однажды едва не стоила ему жизни. Только Шарнхорст, которого Пфуль и Массенбах называли педантичным наставником, удачно сочетал интеллектуальные возможности и эмоциональное равновесие, отлично понимая истинное значение детища Массенбаха.

Однако, несмотря на все странности руководства, у Пруссии теперь был настоящий Генеральный штаб. Единственная трудность заключалась в том, что никто не понимал практической пользы этой части государственной машины и весьма смутно вырисовывался круг ее обязанностей и реальная власть в организационном беспорядке военной иерархии. Рядом с генерал-квартирмейстерским штабом – теоретически над ним – Высший военный совет под началом фельдмаршала фон Моллендорфа и герцога Брунсвика; первому было к восьмидесяти, а второму к семидесяти. Однако не они, а генерал-адъютантская служба приобрела большое влияние на ведение военных дел. Как мы уже знаем, генерал-адъютантская служба функционировала как секретный военный кабинет и своего рода личный штаб короля. В то время его возглавлял генерал-адъютант от инфантерии, генерал-майор фон Кокритц, типичный представитель «монашеского смирения» потсдамского гарнизона, из тех, чей мир составляли карты, выпивка и табак. Он не задумывался, как в случае чрезвычайных обстоятельств будут согласовываться действия этих разнородных военных ведомств.

⁴ Остроумный человек (фр.).

Пока ответственность за деятельность генерал-квартирмейстерского штаба была целиком возложена на Шарнхорста, но он был противником грубых методов. Шарнхорст отстаивал необходимость реализации новых идей, правильность которых была признана в последнее время, таких, как укрепление армии с помощью милиции, создание смешанных дивизий, представленных всеми родами войск, под руководством собственных штабов (Шарнхорст занимался подготовкой офицеров для службы в таких штабах) и корректировка боевых методик в соответствии с нуждами времени.

Стратегия Наполеона была нацелена на полное безжалостное уничтожение врага. Шарнхорст представлял себе иной тип войны. Растущая численность армий привела его к выводу о необходимости дробления сил на марше. Шарнхорст предвосхитил мысль Мольтке, сформулировав принцип: «Всегда вести военные действия, сконцентрировав войска, но никогда не стоять сконцентрировавшись». Отсюда вытекает мысль о создании «оперативного» штаба.

IV

В 1805 году Россия, Австрия и Британия сформировали третью коалицию против Наполеона. К альянсу присоединилась Швеция, и стало ясно, что в критический момент присоединится и Пруссия. Предположение графа Кристиана фон Хаугвитца, прусского министра иностранных дел, что Пруссия могла стоять в стороне как *tertius gaudens*⁵ и получать выгоду от борьбы великих держав, оказалось несостоятельным.

Появилось опасение, что за просьбой царя пройти через территорию Пруссии стоит желание аннексировать государство. Но царь, по крайней мере, попросил разрешения вступить на прусскую территорию, тогда как Франция, обойдя подобную формальность, не раздумывая вторглась в Пруссию. Результатом явилось поражение Хаугвитца и его сторонников. Пруссия вошла в антинаполеоновскую коалицию, хотя сохранила прежнюю осмотрительность, предпочитая вооруженную медиацию (т. е. состояние посредничества. — *Примеч. ред.*) статусу воюющего государства (если удастся выйти из этого положения с честью).

Такая неуверенность со стороны короля понятна и достойна всяческих похвал, поскольку Фридрих-Вильгельм не был уверен ни в собственных способностях, ни в своей армии. Однако Шарнхорст знал, что не удастся избежать столкновения с наполеоновской Францией, и, пользуясь моментом, сделал важный шаг. Он направил Гарденбергу, сменившему Хаугвитца на посту министра иностранных дел, меморандум. Это событие интересно тем, что впервые старший офицер генерал-квартирмейстерского штаба попытался сыграть роль советника в решении политического вопроса.

Тем временем прусская армия была приведена в состояние боевой готовности, и летом 1805 года, душная атмосфера которого была насыщена ощущением надвигающейся опасности, Шарнхорст, приняв решение произвести рекогносцировку некоторых территорий, отдал распоряжение офицерам своей бригады провести первые штабные тренировочные разведывательные действия, составлявшие важную часть предложений Массенбаха. Позже эти так называемые разведывательные поездки Генерального штаба стали одной из важнейших составляющих действий прусского Генерального штаба.

В октябре австрийская армия под командованием Мака была окружена в Ульме. Армия Наполеона двинулась в Моравию, где в декабре австро-русская коалиция понесла полное поражение в битве при Аустерлице. Прусская идея сохранить вооруженный нейтралитет умерла, так и не реализовавшись. Австрия заключила мир с Францией. Наполеон объединил

---

⁵ Третий радующийся, т. е. лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников (*лат.*).

пятнадцать германских княжеств в Рейнский союз и очень ловко, чтобы оторвать Пруссию от Англии, предложил Пруссии в качестве приманки Ганновер.

Пруссия фактически оказалась в изоляции, а ее собственное неумение вести дипломатические переговоры завершило этот процесс. На стороне Пруссии остались только Саксония и Гессен-Кассель. В случае войны вряд ли можно было рассчитывать на помощь со стороны России. Теперь не приходилось возлагать больших надежд на прусско-австро-российское сотрудничество, и, кроме того, мобилизация преждевременно исчерпала прусские финансы.

Штейн, находившийся с 1804 года на посту министра финансов, понял, что наступил решающий момент. Он отчаянно боролся за проведение радикальной реформы и отстранение безответственного правительства. Штейн практически подготовил нечто вроде дворцового переворота, рассчитывая на поддержку со стороны генералов и министров. К сожалению, только Рюхель, Блюхер и Пфуль приняли его сторону. Шарнхорст считал, что время для подобных действий упущено, поскольку, если можно так выразиться, в двери Пруссии стучится война. Возможно, он был умным и здравомыслящим человеком, хотя трудно представить, каким образом реформы могли привести к худшим последствиям, чем это произошло в действительности.

V

В августе 1806 года в Пруссии вновь была объявлена мобилизация. На скорую руку формировались дивизии. Однако генерал-квартирмейстерский штаб не имел реальной власти, а армия и дивизионные штабы страдали от нехватки практического опыта. Шарнхорст планировал сосредоточение сил, которые могли бы перейти в наступление против французской армии на Рейне или Майне, рассчитывая нанести упреждающий удар. Подобная стратегия, вероятно, была единственно возможной, поскольку давала выигрыш во времени, и появлялась вероятность дожидаться союзников. План Шарнхорста не получил поддержки. Было решено действовать испытанным «дедовским» способом, используя главную и две вспомогательные армии, которые должны были защищать Тюрингию и Гессен, территории союзников. Получилось, что и без того незначительные прусские силы были понапрасну растянуты и практически молниеносно рассеяны во время наступления. Когда Наполеон начал разворачивать силы на территории между рекой Зиг и Верхним Палатинатом (княжество в Германии), Шарнхорст вновь выступил с предложением перейти в наступление и быстрым ударом прорвать фронт противника. И опять он не смог отстоять свою точку зрения; виной тому красноречие Массенбаха. «Я знаю, что мы должны делать, – писал Шарнхорст 7 октября 1806 года своей дочери. – Но что мы будем делать – известно только Господу Богу». Итак, война, предпринятая в самых неблагоприятных условиях, велась самым неподобающим образом, и в конечном счете на данном историческом этапе дебют прусского Генерального штаба закончился провалом. По сути, в этом не было его вины, поскольку с самого начала высший офицерский состав разъехался по армиям, тем самым оголив штаб. Фон Гесау и фон Пфуль были прикомандированы к королевскому штабу, в котором генерал-квартирмейстерский штаб играл роль своего рода секретного отдела. Фон Массенбах стал начальником штаба у герцога Гогенлоэ, командующего одной из двух прусских армий в Тюрингии. Шарнхорста назначили начальником штаба у герцога Брунсвика, командующего второй прусской армией. Таким образом, фактически имелось три Генеральных штаба, ставка главнокомандующего, два командующих армиями, не говоря уже о генерал-адъютантском департаменте, который не считался ни с чьим, кроме собственного, мнением.

Большинство командующего состава отличалось непомерным самомнением. Мы с легкостью погоним из страны этих беспородных французов, писал Блюхеру Рюхель. Прусская

армия берет с собой на войну ружья и сабли, сожалел он, но, чтобы прогнать французов, было бы достаточно одних дубин. Однако Блюхеру, видевшему неразбериху, царящую в рядах командного состава, было не по себе.

По общему признанию в битвах при Йене и Ауэрштедте пруссаки имели численное превосходство, и было совершенно ясно, что причиной разгрома прусской армии является неправильная стратегия руководства. Прусские войска располагались растянутой линией; бивуаки находились на большом расстоянии друг от друга. По замыслу Наполеона, его армия должна была выйти к Эльбе в тыл пруссакам с целью отрезать им путь к отступлению через реку. Принц Луи, разгадав стратегию Наполеона, начал мощную атаку. Пруссаки наступали по всем правилам устаревшей линейной тактики: подойдя к неприятелю на определенное расстояние, они открывали массированный огонь без прицеливания. Тактика оказалась ошибочной, пруссаки потерпели поражение. Тем не менее даже Наполеон отдал должное принцу, принявшему героическую смерть на поле боя.

Но причина катастрофы заключалась не только в устаревшей тактике ведения боя. В основе полного разгрома прусской армии лежат три составляющие. Первое. Имея определенный шанс на успех, Гогенлоэ, стоявший у Йены лицом к лицу с главными силами противника, по непонятной причине не подготовился как следует к наступлению. Некоторым оправданием Гогенлоэ служит тот факт, что находившийся у него в тылу Брунsvик отдал приказ стоять в обороне. Отсюда плавно вытекает вторая составляющая. Брунsvик слишком долго не мог решить, то ли оставаться на месте, то ли переправляться через Эльбу. В результате оборонительная система Гогенлоэ сыграла роль заслона по отношению к главной армии, находящейся в тылу. Она была слишком обессилена, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью и спастись бегством. А третья составляющая поражения связана с Рюхелем, который слишком поздно появился на поле боя. Задержка была связана с тем, против чего так яростно боролся Шарнхорст, – с излишней растянутостью прусских армий.

И вот что интересно. Наполеон считал, что основные прусские силы сосредоточены под началом Гогенлоэ у Йены, а не в окрестностях Ауэрштедта. Таким образом, маршал Даву, направленный Наполеоном к Ауэрштедту, столкнулся с главной прусской армией, но одержал победу, наголову разбив не только армию герцога Брауншвейгского, но часть армии Гогенлоэ, сбежавшей из-под Йены в надежде соединиться с армией герцога Брауншвейгского. Таким образом, два поражения, у Йены и Ауэрштедта, слились в одно. Шарнхорст был ранен, но остался в строю.

Унылый осенний вечер стал свидетелем бегства прусской армии. Среди солдат из Южной Пруссии и новых восточных прусских провинций, еще недавно бывших Польшей, были отмечены случаи мародерства. То тут, то там офицеры, вызывавшие особую ненависть, подвергались актам насилия.

В тот вечер Шарнхорст скакал на особенно непокорном коне. В темноте он отстал от королевского штаба. Судьбе было угодно, чтобы он встретился с Блюхером, который с остатками кавалерии пытался спасти тяжелую артиллерию. Грубый, необразованный, однако наделенный природным умом Блюхер первым оценил высокую подготовку и профессиональные качества начальника штаба. Блюхер отступал через Гарц к Мекленбургу. Армия Блюхера во время отступления отвлекла значительные силы французов, не позволив им решить основную задачу по оккупации восточных прусских территорий, но что, пожалуй, самое главное, во время этого перехода Шарнхорст превратился в незаменимого советника Блюхера. Это был первый пример плодотворного сотрудничества, который вновь и вновь повторялся в истории прусской и германской армий, – сотрудничество между одаренным от природы командующим и получившим специальное образование начальником штаба. Финальную стадию развития этого процесса представляют Гинденбург и Люден – дорф, Макензен и Сект. В конце концов, в связи с нехваткой боеприпасов и продовольствия, Блю-

хер и Шарнхорст были вынуждены сдаться. Это произошло в Ракау, недалеко от Любека. Они были практически единственными, кто в горький час поражения сумел сохранить честь прусской армии.

В остальном же история была в равной степени и жалкой, и позорной. В Магдебурге капитулировал генерал Клейст с двадцатичетырехтысячной армией, а бывший реформатор, генерал Лекок, сдался в Гамлине. Укрепленные крепости Кюстрин и Штеттин⁶ сдались без боя.

Князь Гогенлоэ с остатками армии в двенадцать тысяч человек сложил оружие в Пренцлау. На этот шаг его толкнул фон Массенбах, к тому моменту окончательно потерявший голову.

Когда известие о разгроме прусской армии дошло до Берлина, министр фон дер Шуленбург не нашел ничего лучшего, как официально объявить, что его величество потерпел поражение и первейший долг граждан сохранять спокойствие. Дитрих фон Бюлов, узнав о двойном разгроме, позволил себе следующее высказывание. Это, заявил он, естественное следствие некомпетентности и закрытости генералитета. Он был не так уж не прав, но в те времена в Пруссии было слишком опасно оказаться правым в оценке подобных проблем. За критику не прусской монархии, а короля, который, как утверждал Бюлов, в битве при Аустерлице не сделал всего, что требовалось, Бюлов пришел к неизбежному концу. Его заключили в тюрьму, а вскоре по требованию монарха подвергли экстрадиции. Он умер по пути в Сибирь вследствие жестокого обращения со стороны казаков.

VI

Старый порядок продемонстрировал полнейшую несостоятельность. Выяснилось, что он не способен ни принимать решения, ни осуществлять руководство. Теперь он растерял остатки уважения со стороны рядовых граждан. Создалось положение, при котором рядовой пруссак зачастую получал удовольствие от ниспровержения властных структур. В Силезии дворянство больше опасалось негодования своих угнетенных крестьян, чем французского вторжения.

Наступил мрачный час прусской истории. Двор сбежал в Восточную Пруссию. Французские армии наводнили прусские доминионы. Штейн на основе английской модели составил план формирования достойного, отвечающего за свои действия правительства. По всей видимости, многие считали, что наступил момент согласовать абсолютную монархию Гогенцоллернов, которая поднялась как воинствующая сила, вскормленная на бесплодной почве восточных равнин, с армией и германским духом. Но даже теперь нерешительная монархия не могла набраться решимости и развязать Штейну руки для улаживания внутренних дел. Поскольку Штейн продолжал настаивать на своих требованиях, его предпочли уволить.

Внешние дела выглядели не менее безнадежно. Поддержки, обещанной монархом, оказалось недостаточно. Польские области были охвачены восстанием, и, несмотря на зиму, во время которой обычно прекращались боевые действия, французские армии готовились к наступлению на Кенигсберг.

В военной сфере царил полнейший хаос. Поскольку никто до конца не понимал функций генерал-квартирмейстерского штаба, он, фактически, оказался не у дел. Гесау был временно отстранен от командования. Массенбах находился во французском плену. Пфуль поступил на службу к русским. Начальник штаба, генерал фон Лоуренс, бессмысленно сидел в Кенигсберге. Генерал-адъютант фон Кокритц, старый и недалекий (если не сказать – туповатый), был единственным человеком, чьи советы король согласился выслушивать.

---

⁶ Штеттин – немецкое название польского города Щецин.

Произошел обмен военнопленными. Вернулся Шарнхорст, и его направили служить к генералу Лестоку, командующему специальным корпусом в Восточной Пруссии. Однако Шарнхорста назначили не начальником штаба, а военным «помощником» (Assistant), хотя до этого момента подобная должность без ясно очерченного круга обязанностей не была известна. Шарнхорст приобрел известность благодаря прекрасным личным качествам. Когда Беннигсен попытался приостановить продвижение французов в Эйлау, Шарнхорст выступил с прусским корпусом. Он провел войска сквозь буран и с фланга атаковал врага. Этот маневр решил исход битвы. Несмотря на серьезные потери, пруссаки и русские не отступили, но русский командующий не смог воспользоваться полученным преимуществом. Поражение при Фридрихсфельде летом 1807 года окончательно решило судьбу государства Гогенцоллернов. Русский царь оставил в беде прусского союзника и подписал Тильзитский мир. Большая часть прусской территории была оккупирована французскими войсками, а период оккупации был поставлен в зависимость от уплаты контрибуции, размеры которой не были определены.

Сложившееся положение было невероятно унижительным, но в то же время явилось поворотной точкой, послужило обновлению общественной атмосферы, а именно – появлению партий, до того момента беспрецедентного события в истории Пруссии. Их формирование имело скорее военно-бюрократическую, нежели политическую подоплеку, что было естественно для Пруссии. Вернувшись из плена, Массенбах, вместе с известным членом военного совета, Фредериком фон Колином, занял положение своего рода руководителя направления, критикующего систему, в отличие от тех, кто поддерживал нововведения, таких, как Шарнхорст, Бойен, Грольман, Клаузевиц и, в первую очередь, лейтенант-полковник фон Гнейзенау, создавший имя храброй защитой Кольберга.

Массенбаху было не дано почувствовать себя триумфатором в деле, с которым он в значительной степени, даже если и не всегда удачно, отождествлялся. Он рано вышел в отставку, навсегда покончив с военной карьерой. Массенбаха погубило собственное непостоянство. Даже возглавляя реформаторскую партию, клеветническими выпадами он в значительной степени наносил вред собственному делу. Его откровенно ненавидели за невыносимый догматизм. Кроме того, во время последней кампании его поведение явно не внушало доверия. Он отошел в тень истории. Патетическая фигура, которой потомки, возможно, не в полной мере воздали по заслугам за роль, правда, весьма незначительную, в планировании грандиозной системы.

Тем временем, хотя Наполеон настоял на увольнении из армии Гарденберга, группа реформаторов смогла заставить короля вернуть на службу Штейна. Это произошло в июле 1807 года, и в том же месяце была сформирована комиссия по реформированию армии, в которую были приглашены Шарнхорст, Гнейзенау, Массенбах, генерал-лейтенант фон Бронниковский и недавно назначенный на должность генерал-адъютанта князь фон Лоттум.

В задачу комиссии входило устранение из армии так называемых «недостойных элементов» и создание боеспособных войск, удовлетворяющих требованиям современной войны. Со временем эта цель в значительной степени была достигнута, причем имел место беспрецедентный в истории армии случай самоочищения офицерского корпуса. Было рассмотрено поведение всего высшего офицерского состава во время войны. Часть офицеров была подвергнута дисциплинарным взысканиям, некоторых уволили из армии, а кто-то по приговору суда отбывал срок наказания в крепости.

Шарнхорст разработал детальную программу реформирования. Он планировал заменить сверхсрочную армию постоянной, на основе всеобщей воинской повинности, ввести для офицеров возрастную и образовательную цензу, позволить выходцам из буржуазии получать офицерские звания, причем не в порядке исключения, как это было во времена Фридриха Великого. Реформа предусматривала отмену телесных наказаний. Офицерам было

предложено человечнее обращаться с солдатами, не пренебрегать приличиями и уважением по отношению к гражданским лицам. Армия Шарнхорста должна была, прежде всего, служить народу, а не королю. Следовало разбудить патриотизм и чувство национальной ответственности, а этого, по мнению Шарнхорста, можно было добиться только с помощью введения всеобщей воинской повинности.

В планы Шарнхорста входило создание Генерального штаба армии, имеющего четыре отделения. Первое предназначалось для выработки стратегии и тактики, второе – для решения внутренних вопросов, третье – для решения вопросов, связанных с пополнением, четвертое – для обеспечения военным снаряжением. Штабы дивизий также должны были состоять из четырех отделений. Можно сказать, что эта модель послужила основой для формирования Большого Генерального штаба (Abteilungen), включавшего различные отделения. Далее. Королевский картографический отдел, занимавшийся составлением военных карт, должен был отойти в подчинение Генерального штаба. Фактически, высшей властью должно было стать военное министерство, которому бы подчинялись генерал-квартирмейстерский штаб и генерал-адъютантский департамент.

Понятно, что королю не пришлось по вкусу подобное посягательство на его права, но отсутствие энтузиазма со стороны короля было всего лишь одним из числа препятствий, стоящих на пути внедрения в жизнь новых предложений. В число препятствий входили сложное географическое положение страны, сомнительное состояние ее финансов, разоренное сельское хозяйство, составляющее основу прусской экономики, и, главное, полная неопределенность относительно будущего: в любой момент Наполеон мог одним росчерком пера покончить с прусским государством. Кроме того, проведению реформ всячески препятствовали старые прусские юнкеры, нашедшие сторонников в лице генерала фон Йорка и особенно в лице дворянина из Бранденбурга Фридриха Августа Людвиг фон дер Марвиц ауф Фридерсдорфа. Эти твердолобые консерваторы придерживались идеи, что первейшая функция армии состоит в решении задачи обеспечения средствами к существованию сыновей обедневшего прусского дворянства, которым король по-прежнему должен предоставлять возможность получения образования в военных школах. Офицерский корпус должен оставаться закрытым обществом, чья исключительность не должна подвергаться опасности внедрения буржуазно-либеральной системы образования. Борьба в армии между этими двумя течениями заняла все XIX столетие.

Реакционеры, рассматривая вопрос реформирования армии под собственным углом зрения, продемонстрировали особую враждебность в отношении функций предложенного Шарнхорстом Генерального штаба. В программе Шарнхорста эти люди усматривали особый акцент на образовании и культуре, что было глубоко чуждо прусским офицерам старой школы. Кроме того, дворянство Померании протестовало против введения всеобщей воинской повинности, называя ее «революционным равенством торгашей». Реакционеры считали, что вооруженные подданные поднимут революцию, и, вообще говоря, король разделял эту точку зрения. На Шарнхорста и Гнейзенау навесили ярлык «якобинцев».

Но это были только цветочки на пути к достижению либерализации и созданию действительно конституционной монархии, которая могла бы послужить моделью для германских государств. Но кое-что все-таки удалось сделать. Штейн смог добиться отмены крепостного права, но представительное правительство осталось на уровне мечты, впрочем, как и оплот старого прусского феодализма, судебная власть юнкеров, и их право содержать собственную полицию. В военной сфере Шарнхорст умудрился получить одобрение на реконструкцию офицерского корпуса. После Йены исчезла глубокая пропасть, разделявшая простых граждан и офицеров. В старые «гармоничные» времена общество, к которому принадлежали богатые и образованные круги Магдебурга, взяло за правило «собак и офицеров не впускать». Теперь, когда сыновья незнатных людей могли стать офицерами в любых

родах войск, рухнул барьер недоверия. Получение офицерского звания стало зависеть от способностей конкретного человека, а не от его происхождения, и могло показаться, что в обществе прежнее чувство кастовой принадлежности уступит место идеям равенства. Для поколений германской буржуазии получение офицерского звания превратилось в символ повышения социального статуса, и они ставили его намного выше предоставления политических прав и политической власти. Способы, которые использовала буржуазия для возрождения армии, не всегда были безукоризненными; она создала свой миф и настойчиво отстаивала свои права. Экспансионистские идеи, вроде современных пангерманских, оказывали гораздо меньшее воздействие на офицерский корпус, чем считают многие иностранцы; причина крылась, по всей видимости, в буржуазном происхождении.

Шарнхорсту приходилось бороться не только с традиционалистами. Будучи реформатором, он в то же время являлся спасителем старого офицерства. Шарнхорст решительно противился всем планам радикальной демократизации армии. Было время, когда Шарнхорст не столь решительно выступал против идеи выборности офицерского состава. Однако стоило Гарденбергу выдвинуть идею о выборных должностях в армии (солдаты избирают унтер-офицеров, а те, в свою очередь, младших офицеров), как Шарнхорст увидел в этом опасность для основных принципов построения армии и убедил комиссию по реформированию армии отклонить данное предложение. Шарнхорст страстно отстаивал точку зрения, что для каждого гражданина ношение оружия является делом чести, и именно это убеждение подвигло его к отмене позорных телесных наказаний в армии. Он был твердо уверен, что гарантия прочной нравственности армии заключается не в принятии выборной системы, а в обеспечении жесткой дисциплины.

Сущность плана Шарнхорста состояла в разумном сочетании постоянной армии с всеобщей воинской повинностью. Армия, основанная на принципе строгого подчинения законной власти, должна была стать общегосударственной школой, но, хотя в конечном итоге была принята концепция Шарнхорста, идея о менее авторитарной организации полностью не исчезла. Во время освободительных войн предпринималось несколько попыток ввести избирательную систему в прусский ландвер (Landwehr). Впоследствии основным пунктом Эрфуртской программы германской социал-демократической партии стал пункт о преобразовании постоянной армии в ландштурм. Само собой разумеется, что на протяжении всего времени Генеральный штаб, употребив всю силу своего влияния, настаивал на дисциплинированной постоянной армии.

Шарнхорст четко сформулировал понятие об армии мирного времени, состоящей из дивизий, представленных всеми родами войск. Поскольку финансовое положение Пруссии не позволяло содержать большую армию, были созданы подразделения сокращенной численности под названием бригады. Каждой области придавалась одна из таких бригад, а офицеры Генерального штаба прикомандировывались к бригадным штабам. Так были заложены основы оперативного Генерального штаба (Truppengeneralstab), не имевшего аналогии и работавшего в действующих армиях.

Король, исходя из соображений внешней и внутренней политики, по-прежнему возражал против введения всеобщей воинской повинности. Перед Шарнхорстом встала проблема резерва. Он попытался сформировать резерв из добровольцев, прошедших краткосрочную службу в армии, – «крюмперов» (Krümpers)⁷. Они предшественники временных добровольцев (Zeitfrewillige) периода рейхсвера и заложили основу территориальной армии, которая, в свою очередь, явилась черновым наброском для создания постоянной армии.

---

⁷ Krümpersystem – созданная в 1808–1812 гг. Шарнхорстом система призыва «короткослужащих» солдат-резервистов для усиления войск во время военных действий.

Мы уже упоминали о борьбе Штейна с королевским консультационным кабинетом и генерал-адъютантским департаментом. Мы помним, что он пытался заменить их сформированным на основе английской модели правительством, несущим ответственность за свои действия, и разработал план по созданию трех департаментов, которые должны были функционировать в рамках этой системы. По требованию Наполеона Штейна отправили в отставку, но Шарнхорст был в состоянии продолжить процесс преобразования бесполезного Высшего военного совета в военное министерство. Это было важное дело, и он уделял ему серьезное внимание. Если сначала Наполеон, считая, что разоренная страна не будет представлять никакой опасности, не ограничил численность прусской армии, то теперь у него возникли подозрения, что все не так просто, и он настоял на сокращении армии до сорока двух тысяч человек. Предполагалось, что новый министр сыграет решающую роль, поскольку будет выходцем из высшего офицерского состава типа Грольмана, Гнейзенау, Бойена или Шарнхорста, то есть из тех, кто поддерживал идею радикального реформирования армии.

В новое министерство входило два ведомства: главный военный департамент, осуществлявший общее руководство армией, и экономический департамент, решавший административно-хозяйственные вопросы. Военный департамент состоял из трех «отделов». Первый, под руководством Грольмана, принял на себя функции прежнего военного кабинета и генерал-адъютантского отдела, и в частности все дела, связанные с офицерским составом. Второй отдел, сформировавший Генеральный штаб, оказался в руках Бойена. Старый генерал-квартирмейстерский штаб упразднили. Шарнхорст отводил второму отделу особое место, поскольку видел в нем интеллектуальный центр армии и место обучения высшего офицерского состава. Гнейзенау, руководивший инженерным корпусом, возглавил третий отдел. Как ни странно, но Шарнхорста не сделали военным министром, хотя это было бы весьма разумно, и сам Шарнхорст наверняка этого ожидал. Однако министерский пост занял князь Лоттум, доверенное лицо короля. Возглавив главный военный департамент, Шарнхорст испытал сильное разочарование, поскольку военный министр фактически стал начальником Генерального штаба.

Назначив капитана фон Клаузевица начальником своей канцелярии, Шарнхорст энергично взялся за решение собственной задачи. Его цель оставалась неизменной, и следует отметить, что на протяжении всего времени военная и политическая реформы были просто двумя аспектами одной проблемы, неотделимыми одна от другой. Ему виделось слияние армии с народом, превращение субъекта в гражданина, который не только должен защищать страну, но может с помощью выборных представителей решать ее судьбу. Шарнхорст преследовал великие цели. Гнейзенау и Бойен настаивали на создании представительной ассамблеи, и делали это со всей страстью, на какую были способны. Они руководствовались не только внутривполитическими соображениями, мечтая обрести источник духовных сил для борьбы против тирании Наполеона. Символично, что Грольман стал активным членом тайного общества «Союз добродетелей» («Тугенбунд»), созданного с целью возрождения «национального духа» после разгрома Пруссии Наполеоном.

У разных людей были разные представления относительно характера будущих событий. Кто-то считал, что успех кроется во всеобщей мобилизации населения по типу французской, успешно использованной против коалиции в 1792 году. Некоторые вспоминали Вандею как центр контрреволюционных выступлений в период французской революции. Внимание наиболее многочисленной группы было приковано к борьбе испанцев в 1808 году против оккупации Наполеона, которая велась с помощью добровольцев и массированного налогового обложения.

В отличие от Гнейзенау Шарнхорст целиком посвятил себя образовательной деятельности. Теперь три военные школы выпускали высококлассных офицеров. По его предложе-

нию в Берлине была открыта Военная академия. И вновь руководство этими образовательными учреждениями и ответственность за военное образование в целом было возложено не на «якобинца» Шарнхорста, а на представителя старой школы, генерал-майора фон Дерке. Довольно любопытно, что лучший класс Военной академии, основанной в 1810 году, получил название «Генеральный штаб», несмотря на то что в действительности подобные вопросы относились к компетенции второго отдела военного департамента. Шарнхорст был просто обязан лично руководить этим лучшим классом, или «избранными».

VII

Настоящие либералы вроде Бойена и Гнейзенау остро воспринимали социально-нравственное значение реформ и столь энергично взялись претворять их в жизнь, что на начальном этапе вошли в конфликт с королем. Трезвомыслящий, неэмоциональный, лишенный воображения король с большим недоверием относился к идеям реформаторов поднять народную войну против Наполеона. У короля была единственная цель – сохранить династию.

Когда в 1809 году Австрия, посчитав невыносимыми мирные условия, принятые в Прессбурге (Братислава), начала новую войну против Наполеона, Шарнхорст и Гнейзенау решили, что пора приступать к активным действиям. Король категорически отказался разделить их точку зрения. Тогда Грольман ушел в отставку и уехал сначала в Австрию, а позднее в Испанию, где сражался против Наполеона в иностранном легионе. Гнейзенау тоже ушел в отставку, но остался в Пруссии в качестве секретного агента; в Лондоне и Санкт-Петербурге он собирал информацию относительно возможностей наполеоновской армии. Король полагал (беспристрастный критик вряд ли найдет в этом состав преступления), что попытка Пруссии оказать поддержку Австрии, в то время как французы по-прежнему занимают прусские территории, будет означать политическое и военное самоубийство.

Конечно, прусские патриоты были не правы в своей поспешности. Еще не пришло время для решительных действий. Однако, хотя реформаторы зачастую были близки к тому, чтобы потерять терпение, слухи о предполагаемом восстании (считалось, что Шарнхорст имеет к этому отношение) были беспочвенными. Известно, что некий майор фон Шилль, командуя полком бранденбургских гусар, по собственной инициативе выступил из Берлина. Рискованное предприятие закончилось плачевно. Не получив ожидаемой поддержки, он нашел смерть в Штральзунде. Но это единичный случай. Нет необходимости придавать слишком большое значение неоднократным заявлениям Гнейзенау, что, если король упорно отвергает требования реформаторов, его должен сменить младший брат, принц Вильгельм. Подобные взрывы негодования обычно не оправдывали ожиданий. Любая мысль о военном перевороте была не утопической, а невообразимой. Прусские офицеры были верны присяге, данной королю, каким бы ни было их личное мнение относительно его действий. Пруссия это вам не Испания.

Однако вся эта болтовня о якобинской революции имела печальные последствия для Шарнхорста. Его влияние резко уменьшилось, и в результате он был смещен с поста начальника главного военного департамента. Но даже в этом случае граф Хаке, его преемник, преданный и исполнительный чиновник, снискавший особую благосклонность короля, получил приказ держать Шарнхорста в курсе всех важных дел.

Следующий 1811 год явился переломным. Русский царь отказался от политики континентальной блокады, и Наполеон принял решение о завоевании его империи. Итальянцы, португальцы, датчане, германцы были объединены под французским флагом в этом крестовом походе против России. На тот момент европейская история не знала более масштабного военного предприятия, чем затеянное Наполеоном выступление против огромной северной

страны. В 1810 году Гарденберг опять занял место канцлера и столкнулся с требованием Наполеона о заключении союза и предоставлении армейского корпуса.

Вместо этого Шарнхорст отправился в Санкт-Петербург для проведения переговоров о союзе с Россией. Пруссия занялась секретными приготовлениями. Король впервые объявил, что в связи со сложившимся международным положением он готов согласиться на введение всеобщей воинской повинности. Тем временем Австрия после поражения при Ваграме и Асперне вновь стала союзницей Франции (была вынуждена заключить мир с Францией) и обратилась к Пруссии с просьбой о предоставлении армейского корпуса, а также налаживании его снабжения. Пруссии ничего не оставалось, как отступить перед лицом превосходящей силы. Король с Гарденбергом решили временно согласиться с требованиями французов, поэтому, когда Шарнхорст, достигший блестящих успехов на переговорах в России, вернулся в Пруссию, он был поставлен перед *fait accompli*:⁸ отказом признать его заслуги. Выразивший несогласие с подобной постановкой вопроса Бойен ушел в отставку. Клаузевиц и значительная часть офицерского корпуса отказались сражаться под французским флагом и поступили на службу в русскую армию. Шарнхорста фактически отстранили от выполнения служебных обязанностей и в конечном итоге отправили в Силезию инспектировать крепости. По стечению обстоятельств он встретился там с Блюхером, по требованию Наполеона снятым с должности командующего войсками в Померании, поскольку он якобы тайно занимался перевооружением армии. Начальником штаба был назначен полковник фон Раух.

Генерал Йорк, типичный представитель старых прусских традиций, отвечал за отправку во Францию прусского армейского корпуса. После неудач, постигших Наполеона в России, когда в последние дни 1812 года его могущественная армия, не выдержав лютых морозов, обратилась в беспорядочное бегство, Йорк принял историческое решение. Он заключил соглашение с вражеским командующим фон Дибицем (его адъютантом был не кто иной, как Клаузевиц), тем самым взяв на себя ответственность за разрыв отношений с Францией, и предоставил войска в распоряжение русского царя. Так зародилось прусско-русское сотрудничество, которое на протяжении трех поколений определяло методы европейской политики и заложило основы политики рейхсвера после Первой мировой войны.

Действия Йорка открыли путь для подъема Пруссии. Теперь, когда Йорк навел мосты и гарантировал сотрудничество с русскими, король прекратил бесполезное сопротивление. Он лично прибыл в Бреслау, место пребывания патриотов и реформаторов, будучи готовым уступить их требованиям. Успех Шарнхорста измерялся принятием в марте всеобщей воинской повинности и созданием ландвера.

Тем временем был создан и Генеральный штаб, подтвердивший в 1813 году, во время освободительных войн, свою действенность. Командующие прусскими армиями в Бранденбурге и Силезии впервые стали получать надежную информацию от начальника штаба. Характерной особенностью новой организации являлось то, что, пока командование армией осуществлял сильный, надеющийся исключительно на собственные силы человек, штабные офицеры оставались в тени. Шарнхорст страстно желал выступать в роли главнокомандующего на полях сражений, однако с тяжелым сердцем подчинялся этому неписаному закону анонимности. Пренебрегая собственными эмоциями, он предложил Блюхеру занять место командующего в Силезии. Блюхер благодаря манерам «человека из народа» пользовался значительно большей популярностью, чем Шарнхорст. К тому же он был талантливым командиром. Шарнхорст довольствовался должностью начальника штаба, а вот Гнейзенау, вернувшись из Лондона, принял пост первого офицера Генерального штаба. Удивительный контраст составляла эта пара: непосредственный, энергичный, порывистый Блюхер и Шарнхорст, сдержанный, эрудированный, идеальный пример для подражания в деле воспитания

⁸ Свершившийся факт (*фр.*).

начальников штабов. Он, главным образом оставаясь в тени, давал советы, информировал и направлял.

В тесном сотрудничестве с Гнейзенау Шарнхорст составил оперативный план для прусско-русских армий на весну 1813 года. План предусматривал наличие главной армии и двух фланговых подразделений. Одна из фланговых армий под командованием русского генерала, князя Петра Витгенштейна, должна была выступить из Померании через Берлин на Магдебург, а вторая – из Силезии через Лаузиц в Саксонию, чтобы занять Дрезден. Находящаяся в центре главная армия должна была отставать от фланговых армий приблизительно на трехдневный марш. В этом случае одна или другая армия, по ситуации, могла прийти на помощь главной армии. План осенней кампании, составленный Гнейзенау, тоже был основан на принципе разделения армии на составные части во время концентрического наступления для проведения общевойсковых боев. Надо было отличаться особой смелостью, чтобы использовать подобный принцип в сложившихся на данный момент условиях. Отвратительные дороги, недостаток транспортных средств делали любое предприятие невероятно опасным. Только появление железнодорожного транспорта позволило Мольтке в полной мере обратиться в своих планах к принципу «разделения на марше, объединения в бою».

Крупные сражения в период весенней кампании у Лютцена и Бауцена показали, что пока объединенных усилий прусских и русских армий не достаточно для того, чтобы победить непревзойденного мастера военного искусства. Шарнхорст понимал, что для решения проблемы необходимо заставить Австрию принять участие в войне. Не обращая внимания на ранение в ногу, в мае 1813 года он отправился в Вену для ведения переговоров. По распоряжению Меттерниха Шарнхорст был задержан в Праге. Меттерних, строго придерживавшийся принципа европейского равновесия сил, понимал, насколько большую опасность, чем существование империи Наполеона, представляет для монархии Габсбургов усиление Пруссии и России. Меттерних выразил желание выступить посредником между воюющими сторонами, и в настоящий момент Наполеон был готов пойти на уступки. Наполеон нуждался в передышке для восстановления и перевооружения армии. Вот почему после сражения у Бауцена он согласился на перемирие.

Состояние здоровья Шарнхорста резко ухудшилось; у него начался сепсис. Шарнхорст умер 28 июня в Праге, всеми забытый. На протяжении всей жизни он испытывал чувство одиночества; может, виной тому его нижнесаксонское происхождение. Ему было не дано увидеть воплощение своих замыслов, но он указал путь, по которому следовало идти. Благодаря присущим ему качествам: справедливости, неподкупности, скромности, самоотверженности, храбрости – Шарнхорст сильно отличался от многих пришедших ему на смену.

VIII

В августе после окончания сроков перемирия вновь возобновились военные действия. На этот раз к коалиции, в состав которой входили Россия, Пруссия, Англия, примкнула и Австрия. Теперь на пост начальника Генерального штаба заступил Август Вильгельм фон Гнейзенау, человек совершенно не похожий на Шарнхорста. В отличие от молчаливого, эрудированного Шарнхорста («книжный червь из Ганновера», называли его прусские офицеры) Гнейзенау имел вспыльчивый, можно даже сказать, буйный характер. Этот человек, одаренный большими способностями, прекрасный стратег, обладал острым умом и сильной волей. От франкских и австрийских предков он унаследовал круглую голову, толстые щеки, решительный рот и настороженный взгляд. Как-то он написал, что был св. Петром Шарнхорста (Клаузевиц утверждал, что был Иоанном Крестителем Шарнхорста). Хотя Гнейзенау говорил, что по отношению к Шарнхорсту испытывал те же чувства, что пигмей по отношению

к великану, он великолепно осознавал собственные способности и тяжело переживал анонимность офицеров Генерального штаба.

Новое поколение офицеров Генерального штаба внесло изменения в прусскую армию. Гнейзенау являлся начальником прусского Генерального штаба и советником Блюхера. Бойен был начальником штаба у генерала фон Бюлова (брата незадачливого Дитриха Генриха фон Бюлова), командующего войсками северной армии. Грольман стал начальником штаба у генерала фон Клейста, командующего главной армией в Богемии. Люди подобные им олицетворяли новое поколение штабных офицеров. Гнейзенау разработал концепцию коллективной ответственности начальников штабов за любые решения, принимаемые командующими армиями. Он преследовал цель (и это имело первостепенное значение) обеспечить духовное единство Генерального штаба, тем самым давая ему возможность выступать как единый организм против армейских начальников, упрямых и несговорчивых. В случае возникновения разногласий между начальником штаба и командующим армией начальник штаба мог обратиться напрямую к начальнику Генерального штаба.

Гнейзенау создал типично прусскую, безупречную систему руководства армией. Он разработал серию директив, которые давали возможность подчиненным проявлять личную инициативу. Способность быстро осваиваться в любой обстановке, гибкость ума в сочетании с непреклонной решимостью и упорство в достижении главной цели – все это, фактически, были составляющие системы Фридриха Великого, ведь, как мы помним, эпоха массовых армий потребовала деления на корпуса и дивизии и, соответственно, культивирования перечисленных выше качеств.

Школа мысли Гнейзенау оказала большое влияние на развитие союзнической русской армии. Уже при Екатерине Великой главный штаб приобрел важное значение. В основном штаб состоял из офицеров германского происхождения и образования, и его растущее значение было обусловлено тем обстоятельством, что женщина не могла вести военные действия. В 1813 году великолепно обученные в Пруссии офицеры Генерального штаба оказывали неоценимую услугу русской армии. Среди них были такие личности, как полковник Хофман, начальник штаба князя Вюртембергского, полковник фон Лютцов, начальник штаба кавалерийского корпуса графа фон дер Палена, и Клаузевиц, офицер связи в штабе Блюхера.

Грубо говоря, стратегия Гнейзенау, имевшая серьезное политическое значение, заключалась в следующем: безжалостное использование национального потенциала (Гнейзенау пытался применить этот принцип при формировании ландвера в период перемирия); поиск всех доступных средств для полного уничтожения вражеских сил; использование во всех оперативных планах стратегии окружения. Отсюда становится ясно, что Гнейзенау не только решил проблему, связанную с наступательной тактикой армии Наполеона, но и стал духовным отцом тактики, связанной с окружением армии противника.

Однако Гнейзенау, Бойен, Грольман и Раух не были ограниченными людьми, компетентными только в военных вопросах. Высокоодаренные, можно сказать, талантливые люди, они были тесно связаны с духовной жизнью своего времени. В их глазах война, принявшая новую форму народной войны, могла быть оправдана только в том случае, если она приводила народ к духовной и политической свободе. Гнейзенау намеренно проводил различие между кабинетной войной, которую вели монархи в XVIII веке, и современной войной государств. Не случайно он причислял Штейна к своим друзьям. Необходимо, считал он, чтобы современная война стала освободительной войной для всех европейских государств, что приведет их к дальнейшему развитию. Его идеи относительно парламентаризма Гогенцоллернов были гораздо более радикальными, чем у Штейна, который пока еще до некоторой степени находился в плену старых порядков, и даже Шарнхорста, который никогда не испытывал особого интереса к внутренней политике. Гнейзенау наверняка вызывал у Фридриха-Вильгельма III некоторое раздражение.

История Гнейзенау довольно любопытна. Он происходил из благородного, но обедневшего рода, носившего фамилию, полученную по названию замка Гнейзенау, недалеко от Эфердинга в Верхней Австрии. Его отец был лейтенантом в саксонской артиллерии. Мать, дочь артиллерийского офицера (человека незначительного происхождения), сопровождала мужа во время Семилетней войны и во время отступления из Торгау умерла сразу после рождения сына. Отец Гнейзенау перебрал множество профессий, в том числе был топографом и архитектором. Он вновь женился и последние годы жизни работал инспектором по строительству в Эрфурте. Осиротевший мальчик, без средств к существованию, рос в жалкой нищете среди простолюдинов, пока богатые родственники из Вюрцбурга не взяли его под свое крыло. После краткосрочной службы в гусарском полку в Австрии в 1782 году он прибыл в Канаду. Однако Версальский мирный договор завершил Войну за независимость в Северной Америке прежде, чем лейтенант Гнейзенау получил возможность принять участие в боевых действиях.

Тогда Гнейзенау поступил на службу в прусскую армию, в надежде получить пост в генерал-квартирмейстерском штабе. Но его надежды не оправдались. На протяжении двадцати лет Гнейзенау служил младшим офицером в маленьких гарнизонах в Силезии. Только в 1807 году успешная оборона Кольберга явилась стартовой площадкой для его продвижения по службе. Спустя какое-то время мы находим Гнейзенау в комиссии по реорганизации армии и в военном ведомстве, сражающемся с ветряными мельницами прусской реакции. Затем он был отправлен в Англию, откуда вернулся с твердой верой в английский либерализм и в принципы конституционной монархии, добавив военный опыт к имевшимся у него большим способностям к военному делу и политической интуиции.

IX

Генеральные стратегические планы осенней кампании 1813 года и зимней кампании 1814 года в значительной степени являлись плодом деятельности Гнейзенау. Оперативный план осенней кампании с наибольшей очевидностью отразил его способности к решению стратегических задач. Проблема, с которой столкнулись союзники, заключалась в следующем. Наполеон занял позицию на Эльбе; с правого фланга до крепости Кенигштайн и гор Северной Богемии, а с левого фланга через крепости Магдебург и Виттенбург до Гамбурга. В центре находился укрепленный Дрезден. Наполеон, имея полумиллионную армию, словно огромным щитом укрылся этим бесконечным развернутым строем от смертельных ударов, которые могли быть направлены в сторону Вены и Берлина.

Фронт был слишком растянут, и маршалы убеждали Наполеона выстроиться не вдоль Эльбы, а по Саару или Рейну. Но Наполеон рассудил, что невозможно обойти четырехсоттысячную армию, занявшую опорные пункты на такой реке, как Эльба. Действительно, линия фронта была настолько протяженной (и укрепленной), что враги не могли обойти ее с фланга, не подвергнув себя огромному риску излишне рассредоточить войска.

Наполеон прекрасно представлял, какую сложную проблему он поставил перед врагом. Союзникам пришлось растянуться по длинной дуге, и Наполеон разумно предположил, что рано или поздно они совершат неверный шаг и он сможет их постепенно уничтожить.

Силы союзников были сгруппированы в составе трех армий: северной – под началом шведского наследного принца, состоявшей из прусских и шведских войск и базировавшейся в Бранденбурге и Померании; силезской, состоящей из пруссаков и русских, под командованием Блюхера, и главной армии под командованием Шварценберга – прусско-русско-австрийской, базировавшейся в Богемии.

Командующие армиями коалиции зачастую не могли прийти к общему знаменателю. Шведский наследный принц, по политическим соображениям, не испытывал желания дви-

гаться вперед; австрийский командующий был приверженцем стратегии старой школы. Это весьма устраивало Гнейзенау, поскольку силезская армия получала значительную оперативную свободу. Несмотря на явное противодействие со стороны штабов союзных монархов и тот факт, что царь и фон Шварценберг считали, что имеют законное право осуществлять руководство ключевыми операциями, Гнейзенау настоял на своем. Блюхер и Гнейзенау получили возможность действовать сообразно обстановке.

Союзники преследовали единую стратегию, и следует отдать должное гению Гнейзенау, что его понимание этой стратегии выражалось в каждом сделанном им шаге. Союзники надеялись, что им удастся в какой-то момент заставить Наполеона открыться, и тогда они нанесут решающий удар. Но до того, как это произойдет, неизбежен период ложных атак и маневрирования, период, в течение которого им придется уклоняться от вражеских ударов, однако врагу эти удары должны доставаться, по возможности, дорогой ценой.

Блюхер четко придерживался данной стратегии. Когда Наполеон атаковал его в Ловенберге, Блюхер отступил в Силезию, а затем блестяще нанес ответный удар по Кацбаху, находившемуся на значительном расстоянии от вражеской базы. На протяжении августа союзники настолько успешно следовали выработанной тактике, что на периферии Наполеон даже потерпел ряд поражений. Однако он прочно удерживался в центре и наносил больше ударов, чем терпел поражений. Наполеон отбил атаку Шварценберга на Дрезден с помощью быстрого сосредоточения сил.

Далее последовали два события. В Кульме прусские силы под командованием Клейста, продемонстрировав блестящие тактические действия, спасли Шварценберга от полного поражения и сдержали натиск Наполеона. Второе событие было связано с предложенной Гнейзенау передислокацией южной армии, двинувшейся через правый фланг Наполеона к Лейпцигу, в то время как силезская армия под командованием Блюхера пересекла Эльбу у Виттенберга. Наполеон немедленно отреагировал на действия со стороны врага, которого он не сумел полностью уничтожить и теперь получившего поддержку. Наполеон отступил к Лейпцигу, где союзники, получившие подкрепление из Баварии, практически окружили его.

Х

Фридриха-Вильгельма устраивал вариант освобождения Германии до Рейна. Меттерних вновь ухватился за идею о балансе европейских сил, неотъемлемой частью которой должна оставаться Франция. Война несла угрозу этой концепции. Теперь Гнейзенау (несмотря на яростное сопротивление со стороны Блюхера) выступал ярым сторонником полного уничтожения Наполеона, то есть проводником политики, при которой на первый план выдвигалась оккупация Франции. Шварценберг, по-прежнему строго придерживавшийся традиционных взглядов на войну, считал, что Францию можно и должно принудить к капитуляции, захватив важные стратегические объекты. Однако Гнейзенау требовал двигаться на Париж для полного уничтожения наполеоновского режима. Благодаря поддержке царя (Штейн выступал в роли его консультанта) победила точка зрения Гнейзенау. Прусские войска вошли в Париж в марте 1814 года. Наполеон отрекся от престола. Это была не только победа прусской непреклонности, но и, вне всякого сомнения, неотложная необходимость. Гнейзенау рассматривал войну как поход в защиту европейской свободы; Наполеон должен предстать перед мировым судом и быть расстрелян за преступления против законности и правопорядка. Парижу должен быть *продиктован* мир, требовал Гнейзенау. Но его требования вступали в противоречие с принципами солидарности между коронованными особами.

В октябре 1814 года в Вене открылся конгресс представителей европейских государств, которому предстояло перекроить политическую карту Европы. Наполеон был сослан на остров Эльба. Оттуда он сделал еще одну попытку захвата власти. Ему удалось продер-

жаться у власти сто дней, после чего он был вынужден вновь отказаться от престола, чему в немалой степени способствовали действия со стороны Гнейзенау. Он опять стал начальником штаба у Блюхера и очень сетовал, что согласился на это. В бою у Линьи Блюхер сильно пострадал. Его лошадь была убита, а сам он получил серьезные ранения. Именно Гнейзенау принял эпохальное решение, отдав приказ прусской армии отойти к Льежу. Несмотря на кровопролитный бой, пруссаки были разбиты, но не уничтожены. Наполеон, стремившийся вбить клин между Блюхером и Веллингтоном, потерпел неудачу. Побежденная армия должна была двинуться прямо на восток, но Гнейзенау не считал себя побежденным. Ему в голову пришла оригинальная мысль, как поддержать британцев. В соответствии с планом Гнейзенау корпус Блюхера, когда Веллингтон скоординировал общее наступление, неожиданно вышел с правого фланга французов. План Гнейзенау дал возможность Блюхеру решить исход битвы при Ватерлоо, сделал возможной победу и разгром Наполеона.

Вновь прусская армия двинулась в Париж. А вместе с тем самого Гнейзенау постигло самое тяжелое разочарование в жизни. Его политическая программа, как и у Штейна, предусматривала создание германского федерального государства, управляемого с помощью централизованной власти. Венский конгресс, созванный в июне 1815 года, отклонил программу Гнейзенау и сохранил политическую раздробленность Германии. Следует ослабить Францию, считал Гнейзенау, отрезав от нее Эльзас-Лотарингию, и, укрепив Бельгию, создать буферное государство на севере. Эти требования были продиктованы беспокойством, связанным с особенностью географического положения Пруссии, окруженной более сильными государствами. Но подобные взгляды шли вразрез с политикой Австрии и России, которые рассматривали прусско-французский антагонизм как средство ослабления этих государств.

Гнейзенау рассчитывал, что в результате победы над Наполеоном прусский народ освободится от иноземного владычества и получит, наконец, возможность обрести государственное единство и политическую свободу. По решению Венского конгресса к Пруссии отошли Вестфалия и западная часть Саксонии, и, по мнению Гнейзенау, было необходимо произвести объединение всех территорий. Энтузиазм, с которым в 1813 году молодежь из всех слоев общества по призыву короля устремилась на военную службу, был вызван не только патриотическим порывом, но и определенными надеждами. Студенты, к примеру, лелеяли надежду, что наступивший после войны мир даст им возможность принимать участие в общественных делах и решении политических вопросов. Именно с этой точки зрения образованный средний класс рассматривал освободительные войны. После объявления всеобщей воинской повинности в Померании, Восточной Пруссии и Бранденбурге крестьяне, совсем недавно получившие свободу, в силу сложившейся традиции последовали примеру помещиков. А вот ткачей и другой рабочий люд из самых нищих частей Силезии полиция зачастую тащила в армию на аркане. Рабочие просто не понимали, в чем смысл войны. В мае 1815 года король торжественно пообещал ввести конституционную монархию и создать народное собрание.

XI

После второго падения Парижа Гнейзенау решил, что наступило время для выполнения этих обещаний. Но время шло, и, вместо долгожданного либерализма, наступила реакция. После войны начальником Генерального штаба стал Грольман. По мнению двора, Гнейзенау был излишне либерален – и слишком упрям. Его отправили в Кобленц в качестве командующего в звании генерала. Время от времени из Нассау к нему приезжал Штейн, и они вспоминали о замечательных планах по реформированию армии. Штейн тоже впал в немилость, и в Берлине кто с тревогой, а кто с удивлением говорили о круге друзей Гнейзенау как о «лагере Валленштейна». Тайный страх в отношении этих людей был не более чем ребячеством. Было нелепым полагать, что Гнейзенау двинется на Берлин. По всей вероятности,

Гнейзенау и Штейн обсуждали реформы в отношении дворянства. Гнейзенау мечтал застать то время, когда на смену старому, обнищавшему юнкерству придут помещики, использующие английскую модель хозяйствования. В отличие от Гнейзенау Фридрих фон дер Марвиц, выразитель идей старой Пруссии, настаивал на превращении дворянства в касту воинов. Все физически неполноценные или лица, имеющие склонность к научной и культурной деятельности, должны были лишиться дворянского звания.

Неудачи ожесточили Гнейзенау, и в 1816 году он вышел в отставку. Он, как Йорк, Бюлов и Клейст, получил графский титул и в качестве награды поместье Зоммершенбург. В 1825 году, в честь годовщины битвы при Ватерлоо, Гнейзенау был возведен в ранг фельдмаршала. Он не принимал никакого участия в общественной жизни, и только в 1831 году, когда вспыхнувшая в Польше революция, направленная против России, стала угрожать прусским владениям в Польше, о Гнейзенау вспомнили и назначили его командующим армией, охранявшей восточные границы. Он пригласил Клаузевица на должность начальника штаба, разместившегося в Посене. 21 августа Гнейзенау умер от холеры, пришедшей в Европу с востока. В душе он был либералом, поэтому, как и Шарнхорст, оставил о себе не слишком добрую славу. Пруссия, после победного участия в освободительных войнах, оставалась реакционным государством. В ней пропагандировался культ насилия, презрения к низшим сословиям, прославлялась война. От людей поколения Штейна избавлялись по той простой причине, что их действия были порождены странной смесью из воинственности и рабской приверженности.

Прусский Генеральный штаб выдержал первое серьезное испытание благодаря военному таланту Гнейзенау. Следует помнить, что в период формирования Генерального штаба важную роль сыграли независимость взглядов Гнейзенау и его уверенность в собственных силах. Генеральный штаб стал превосходным инструментом в руках руководства войсками. Однако даже теперь его структура, функции и в особенности отношения с военным министром, генерал-адъютантским департаментом и возобновившим деятельность королевским военным кабинетом вызывали споры и недоумение. При всем том даже в мирное время Генеральный штаб оставался в военном министерстве.

По своей природе человеку свойственно стремиться к экспансии и увеличению сфер влияния. В мирное время Генеральный штаб занимался подготовкой к следующей войне. Воспитывал и обучал высокоразвитых в умственном и моральном отношении офицеров, составлял военные карты, изучал армии соседних государств. Помимо этого, независимо от международной обстановки Генеральный штаб подготавливал планы нападения и обороны с учетом различных ситуаций, которые могут возникать в военное время. Подобная деятельность не является исключительной прерогативой прусского Генерального штаба; во всем мире Генеральные штабы заняты такой же работой. И только в период потрясений, возникновения напряженности в отношениях между великими державами деятельность Генерального штаба обретает особый смысл.

Однако на тот момент у Генерального штаба еще не было точного места в официальной структуре, хотя и определен круг обязанностей. Вполне естественно, что он не оставался в стороне и от политических и общегосударственных проблем.

Своим рождением прусский Генеральный штаб в значительной степени был обязан политическому кризису. Однако, со временем «забыв» об обстоятельствах своего появления, Генеральный штаб превратился в высокоэффективный и абсолютно аполитичный инструмент.

Глава 3 ФИЛОСОФ ВОЙНЫ Генеральный штаб в эпоху Клаузевица

I

После поражения Наполеона в 1814 году можно было ожидать, что реформированием Пруссии озаботится генерал-майор фон Бойен, в то время военный министр. Сын прусского лейтенанта, горячий поклонник Канта, Бойен придерживался гораздо более радикальных взглядов, чем Носке, единственный социал-демократ на посту военного министра (военный комиссар правительства).

Бойен наметил широкомасштабный план социально-политического реформирования, и армия должна была проникнуться духом этих реформ. По мнению Бойена, следовало покончить с такими анахронизмами, как королевская гвардия и военный кабинет, поскольку они вступали в противоречие с ролью, отведенной армии, ролью защитника и борца за интересы народа. Рост промышленного производства неизбежно вел к изменениям в жизни нации, и Бойен настаивал на принятии мер, способных защитить промышленных рабочих. Он разработал программу переселения крестьян. Все это было, конечно, несерьезно. А вот что в действительности было серьезным, так это его мнение, что военный министр новой эпохи в первую очередь должен нести ответственность перед народом, а уже потом перед королем.

Затем вопрос всеобщей воинской повинности. Последующие поколения были склонны рассматривать всеобщую воинскую повинность как символ прусской воинственности в наиболее оскорбительном смысле этого слова. И король и юнкеры категорически противились введению всеобщей воинской повинности, которая, по их мнению, могла привести к революционным процессам. Крестьяне, с формальной точки зрения в соответствии с декретом получившие свободу, по-прежнему оставались несвободны. 3 сентября 1814 года был принят закон о всеобщей военной повинности (*Wehrgesetz*). Ландвер и ландштурм были не чем иным, как военными организациями в общенародном масштабе, и нет ничего удивительного в том, что Бойен испытывал определенные трудности, добиваясь утверждения закона о всеобщей воинской повинности. Ландвер, в особенности дорогой сердцу Бойена, был основным камнем преткновения. Он являлся чем-то вроде милиции, резервным формированием второй очереди, составленным из военнообязанных запаса. Считалось, что в подобном формировании будет трудно поддерживать дисциплину. Кроме того, офицеры, по большей части представители среднего класса, зачастую имели крайне либеральные убеждения. Однако следует признать, что опасения оказались абсолютно необоснованными. Единственными формированиями, проигнорировавшими приказ о мобилизации во время беспорядков 1848 года, были формирования ландвера.

Если ландвер являлся просто спорным вопросом, то проблема объединения различных отделов военного министерства, Генерального штаба и генерал-адъютантского департамента была источником особого беспокойства. Король продолжал рассматривать армию как личный инструмент королевской власти. Когда король издал указ об учреждении караульной бригады (достигавшей размеров армейского корпуса) и потребовал того, что полагалось ему по праву, – назначения собственного генерал-адъютанта, Бойен потерпел первое поражение. Бойен в одиночку вел борьбу против династической защиты своих прав.

Князь Гарденберг, государственный канцлер Пруссии, либерал, был слишком стар и далек от мысли затевать борьбу с королем и его камарильей. Вскоре третий департамент военного министерства, который принял на себя руководство военным кабинетом, продемонстрировал явные симптомы возрождения прежнего военного кабинета в качестве личного штаба короля, в то время как второй департамент, подхватив эту инфекцию, проявил незаурядный аппетит в отношении административного самоопределения.

Все это усугублялось тем обстоятельством, что совершалось с молчаливого одобрения полковых офицеров, которые яростно противились конституционному правлению. Несмотря на реформирование армии, офицеры были в основном выходцами из юнкеров.

Незадолго до освободительных войн в армии было сорок процентов нетитулованных офицеров, с которыми зачастую не считались, относясь к ним как к «некачественным офицерским кадрам». Офицеры из юнкеров не могли смириться с вторжением «инородных элементов» в свое закрытое сообщество; в кадетских школах сыновья высшего офицерства находились на особом положении. Таким образом, постепенно дело дошло до того, что между словами «офицерский корпус» и «реакция» можно было смело ставить знак равенства.

Россия многое позаимствовала у своего прусского партнера, да это и неудивительно. Начиная с 1813 года король Пруссии и русский царь обменивались полномочными представителями. Зачастую эти официальные лица, явные предвестники тайной дипломатии, следовали собственным путем. У русского царя, как и у прусского короля, был свой военный кабинет. Брат и преемник царя, Николай I, взяв за образец прусский Генеральный штаб, основал Академию Генерального штаба. Между армиями были настолько близкие отношения, что генерал фон Раух, инспектор крепостей, а позже военный министр Пруссии, совмещал инспектирование русских крепостей с аналогичной деятельностью в Пруссии. Главный штаб в России, как и прусский Генеральный штаб, находился на привилегированном положении до появления военного министра, князя Чернышева, установившего главенствование военного министерства. В последующие десятилетия в мирное время не назначали начальника штаба. А вот во Франции, хотя в 1818 году маршал Гувьон Сен-Сир создал Академию Генерального штаба, никогда не вставал вопрос о приоритетности военного министерства.

II

Казалось бы, генерал-адъютантский департамент и Генеральный штаб решали разные проблемы, но, по сути, являлись соперниками. Генеральный штаб, как и его конкурент, стремился оказывать влияние не только на армию, но и на политику короля. Особенно усердствовал начальник второго департамента в военном министерстве Бойена, Грольман, человек с четко выраженным мнением. Карл Вильгельм фон Грольман, новый начальник Генерального штаба, был сыном высокопоставленного судейского чиновника (президента тайного высшего трибунала), дворянином из Вестфалии. В 1813 году Грольман был принят майором в Генеральный штаб, а в 1815 году занимал в штабе Блюхера пост генерал-квартирмейстера. Высокий, крепкого телосложения, с мужественным лицом, этот человек невольно обращал на себя внимание. Грольман отличался гордым, решительным и независимым нравом. Он, как и Бойен, был горячим сторонником реформирования армии. Под его руководством Генеральный штаб достиг интеллектуальных и научных высот, став явным антифеодалным элементом феодальной Пруссии. Его педагогическая деятельность шла вразрез со старыми традициями прусского офицерства. Где, гневно вопрошали противники, обедневшее дворянство найдет средства, чтобы дать своим сыновьям необходимое образование, если теперь подготовка, получаемая в кадетских школах, признается недостаточной? От офицера требовался высокий уровень культуры и научно-технические знания, то, что явля-

лось характерными признаками надвигающегося буржуазно-промышленного века. Но солдат пока еще поклонялся другим богам.

По Грольману, задача Генерального штаба заключалась в воспитании грамотных, образованных военачальников, сочетающих высокий профессионализм с независимым, сильным характером. Грольман считал, что каждый офицер Генерального штаба должен периодически проходить стажировку в войсках на различных должностях, совершенствоваться в искусстве ведения войск. У офицера Генерального штаба должны быть в высшей степени развиты профессиональные качества, присущие солдату и офицеру: мужество, решительность, готовность взять на себя ответственность, находчивость, физическая выносливость, выдержка.

Ради удобства мы все время говорим «Генеральный штаб». Однако такое название второй департамент получил только в 1817 году; прежде была проведена некоторая реорганизация. В 1816 году Грольман разбивает второй департамент на три театра военных действий и военно-исторический сектор, который теперь стал играть важную роль в работе Генерального штаба и использовался как средство профессионального обучения. По мнению Грольмана, важнейшей функцией Генерального штаба является сбор информации об армиях соседних государств, военной обстановке, мобилизации и подготовка развернутых планов с учетом всех непредвиденных обстоятельств.

Кроме того, Грольман придавал большое значение развитию транспортной системы. Использование высококачественных коммуникаций, «внутренних линий», для отражения нападений сразу по нескольким направлениям могло решить проблему, связанную с невыгодным географическим положением Пруссии и отсутствием естественных границ. На этом основывались все оперативные планы и планы развертывания. В подобных обстоятельствах было просто необходимо иметь хорошие дороги.

Деятельность Грольмана, тесно связанная с деятельностью Бойена, продолжалась под несчастливой звездой. Когда в 1819 году король выступил против дальнейшего расширения ландвера, Бойен ушел в отставку, и Грольман последовал его примеру. Это был год карлсбадских постановлений; германские государства под давлением Меттерниха приняли меры против растущего духа либерализма, ввели жесткую цензуру в школах и университетах.

III

С уходом в отставку Бойена и Грольмана оборвалась последняя связующая нить либерализма с прусской армией. Впредь армия оставалась реликтом абсолютистской эпохи, находившимся вне пределов влияния общественного мнения. Любопытно, что в прежние времена основной целью либерализма в Пруссии был контроль за деятельностью армии и расходом средств на ее содержание. Кроме того, пруссаки не могли и помыслить, чтобы гражданский чин стал военным министром. Только солдаты могли управлять королевской армией, этим символом веры, каким она оставалась вплоть до революции 1918 года. Бойен и Грольман были последними представителями идеализма в отношении освободительных войн. Постепенно образованные пруссаки разделились на две группы. Одну составляли неявные либералы, другую консерваторы в мыслях. Теперь либерализм предполагал германский, антипруссский взгляд на вещи. Национальные либералы времен Бисмарка придавали большее значение экспансионистской внешней политике, чем либеральным идеям отцов-основателей.

Из прусского офицерского корпуса исчезли «якобинцы». Лишь немногие отдельные личности симпатизировали великим идеям того времени. Молодых прусских лейтенантов, высказывавших еретические мысли, признали чуждыми элементами и убрали из армии. После провала революции большая часть из них эмигрировала, некоторые уехали в Америку

и приняли участие в гражданской войне. Большой оригинал, но при этом самый бестолковый из инакомыслящих Август фон Виллих, сменивший оружие прусского артиллерийского офицера на плотницкую пилу, уехал в Лондон, примкнул к социалистическим и коммунистическим кругам и выдвинул идею о военной диктатуре на социалистической основе. В один «прекрасный» день претворение в жизнь концепции Виллиха привело к катастрофическим последствиям.

Прусский офицерский корпус был похож на небольшую аристократическую республику. Формально назначением офицеров занимался король. Фактически, офицерский корпус опять превратился в то, чем он был при Фридрихе Великом, – в закрытую касту, куда не было доступа людям из средних слоев общества. никоим образом нельзя провести параллелей между изменениями в положении гражданских служащих (от личных слуг монарха до служащих конституционного государства) и рангами прусских офицеров. Офицеры давали клятву королю, но не конституции или народу, даже в те дни, когда конституция была фактически принята.

Экономика оказалась одним из самых решающих факторов, повлиявших на формирование мировоззрения офицерской касты. Кризис в сельском хозяйстве, последовавший за освободительными войнами, вкупе с проникновением капитализма в сферу экономики привели к еще большему обнищанию юнкеров, положение которых и так не отличалось особой экономической стабильностью. Земельная собственность составляла основу благосостояния прусского дворянства, которое на протяжении XIX века в буквальном смысле теряло эту основу. В Берлине в начале 40-х Вильгельмштрассе и Вильгельмплац все еще были символами власти таких знаменитых семей, как Арнимы, Блюхеры, Радзивиллы, Шлиппенбахи, имевших здесь дворцы. Затем там поселились чиновники различных министерств и ведомств. В 1857 году часть знаменитых семейств все еще владела огромными состояниями. Клейсты были владельцами пятидесяти трех поместий, Веделы сорока четырех, Виндерфельды двадцати. В прусской армии в 1857 году служили двадцать четыре офицера из семьи Виндерфельда.

В основном это были небольшие поместья. В воспоминаниях фельдмаршал фон дер Гольц пишет о Фабиансфельде, поместье в Восточной Пруссии, в котором он родился, и перед нашим мысленным взором предстает типичное поместье обедневшей семьи юнкеров. Мы видим квадратный двор фермы в окружении выкрашенных в белый цвет строений, покрытых соломенными крышами, пруд. Главная гордость семьи – дом (тоже крытый соломой) с каминами. Добавьте к этому домик для прислуги, жалкий сад с несколькими дубами и дикорастущими грушами, и вы получите полную картину. Мать фон дер Гольца не смогла сберечь даже это убогое поместье и была вынуждена его продать. Денег было так мало, что мать подумывала отдать сына в обучение к бондарю.

Естественно, что в период кризиса больше всего пострадали мелкие, нерентабельные поместья. Мольтке, Гинденбург, Гольц, Сект, входившие в руководство прусской армии и Генерального штаба в период с 1820-го по 1920 год, были выходцами из таких обедневших, безземельных дворянских семей. Исключение составлял Шлифен, чьи родители относительно долго сохраняли собственность. Это обедневшее дворянство избрало военную карьеру, поскольку армия давала им то, что им хотелось получить от жизни. Они были большими националистами, чем, скажем, члены богатейших семей силезской знати или некоторых известных южногерманских фамилий с их потускневшим великолепием и международными связями.

Юношеские воспоминания Гинденбурга дают наиболее точное представление о спартанских идеалах старых прусских офицерских семей. Настоящее богатство прусского офицерства, с гордостью пишет Гинденбург, в его непритязательности. Воины во все времена отличались спартанской выдержкой. Воспитание сыновей из дворянских семей в кадетских

школах в значительной степени способствовало развитию стремления к простому образу жизни. Повиновение, самопожертвование и служба! Но служба на благо правящего дома, а не народа.

Итак, накануне революции 1848 года армия превратилась в символ реакции. В 1817 году в Вартбурге, во время первой серьезной революционной демонстрации, германские студенты сожгли ненавистную палку унтер-офицера. Этот символический акт имел определенные последствия. Бездушный формализм раз и навсегда заведенных порядков вынуждал горячие головы вроде Отто фон Корвина прибегнуть к открытому неповиновению. Однако это были исключительные случаи.

IV

После отставки Грольмана временное руководство Генеральным штабом принял генерал-майор Август фон Лилиенштерн, некогда любимец Шарнхорста, а в 1814 году советник Штейна по вопросам ландвера. Его сменил стойкий консерватор, генерал-лейтенант фон Мюффлинг.

Фридрих Карл Фрейхер фон Мюффлинг в 1813 году был генерал-квартирмейстером у Блюхера, а впоследствии командовал прусскими оккупационными войсками, оставленными во Франции. Он был доверенным лицом короля и невероятно придирчивым начальником. Другим доверенным лицом был преемник Бойена на посту военного министра граф Хаке, противник реформирования. Мюффлинг приспособился к реакционной камарилье, задававшей тон при дворе, и вскоре после назначения, состоявшегося 11 января 1821 года, значительно расширил полномочия Генерального штаба. Начальник Генерального штаба армии теперь не подчинялся военному министру. Начальник штаба не мог действовать против воли военного министра, но в соответствии с новыми правилами должен был консультироваться с военным министром, что предполагало возможность будущего выхода из-под опеки военного министерства. Гнейзенау был среди сторонников подобного курса, который совпадал с предложениями, сделанными Массенбахом королю.

В 1825 году был официально расформирован второй департамент, тем самым положив конец подчинению Генерального штаба военному министру. Незначительные причины зачастую приводят к значительным последствиям. Мюффлинг, начальник Генерального штаба армии, был выше по должности фон Лилиенштерна, начальника второго департамента, и не мог получать приказы от нижестоящего.

С этого момента Генеральный штаб существовал на равных с военным министерством. Правда, начальник штаба пока еще не был официальным советником Верховного главнокомандующего, как об этом мечтали Массенбах, Шарнхорст и Гнейзенау, а только советником военного министра. Мало того, его советами редко пользовались в мирное время, и штаб оставался не более чем проектной организацией. Подобная история произошла и с третьим департаментом, генерал-адъютантским. В 1824 году был вновь создан военный кабинет под названием «Отдел по личным делам» под руководством генерал-адъютанта, генерал-майора фон Витцлебена, умного, трудолюбивого, придерживавшегося консервативных взглядов, одного из ближайших друзей короля. Этот департамент в скором времени достиг огромного влияния. Витцлебен, ставший в 1833 году военным министром, был советником короля даже по таким вопросам, как мобилизация, хотя фактически они входили в компетенцию Генерального штаба. Таким образом, сформировался триумvirат (военный кабинет, военный министр и Генеральный штаб), который воздействовал на военную политику Гогенцоллернов вплоть до 1918 года.

Под давлением военного кабинета и Генерального штаба влияние министерства как конституционного органа постепенно сходило на нет. С течением времени стало казаться,

что зять Витцлебена, всесильный и крайне честолюбивый генерал-адъютант Эдвин фон Мантейфель, одержит победу в борьбе двух неконституционных дворцовых сил и обеспечит доминирующее влияние военного кабинета. Позднее, в эпоху Мольтке, благодаря победам в датской, австрийской и франко-германской войнах, пальма первенства, казалось, перешла Генеральному штабу.

Мюффлинг провел реорганизацию Генерального штаба, который теперь состоял из трех «главных отделов». Первый отдел занимался вопросами личного состава (предшественник Главного управления), второй занимался вопросами, связанными с подготовкой, маневрами, дислокацией и мобилизационными планами, а третий – всеми техническими вопросами, включая артиллерию.

Изменения коснулись и военной формы, которая стала необыкновенно красивой. Синий мундир с пунцово-красным воротником и отделкой по обшлагам, расшитым серебром; белые брюки, серебряные эполеты и шляпа с белыми перьями. На полевой форме пунцово-красная отделка являлась отличительным знаком офицеров Генерального штаба. Согласно записям от 1821 года Генеральный штаб в составе восемнадцати офицеров (два генерал-майора, девять майоров, три капитана и четыре лейтенанта) базировался в Берлине. Пять офицеров были людьми незнатного происхождения. Во взаимодействии с Генеральным штабом работали тригонометрическое бюро (три офицера) и топографическое бюро (тридцать пять офицеров). Более половины штата топографического бюро составляли люди незнатного происхождения. Напрашивается вывод: для среднего класса технические службы являлись входной дверью в армию. Двадцать семь офицеров Генерального штаба служили в штабах армейских корпусов, двадцать в дивизионных штабах и шесть в качестве военных атташе за границей.

Мюффлинг возобновил принятые при Шарнхорсте поездки офицеров Генерального штаба с целью проведения рекогносцировки. Кроме того, он ввел собственные новшества. Например, военные игры (Kriegsspiel), в ходе которых оперативные ситуации разыгрывались на карте или в «песочнице».

Рассказывали, что как-то прусский военный атташе князь Карл фон Гогенлоэ описывал эти методы группе высокопоставленных австрийских офицеров. Они слушали его с неприкрытым удивлением. Наконец один из офицеров поинтересовался, как они ведут счет в ходе игры. Пруссак ответил, что никто не вел счета, ведь, в конце концов, они же не играли на деньги. «В чем же тогда смысл игры?» В 1866 году прусский Генеральный штаб равнодушно и беспощадно разделался с людьми подобного психического склада.

Мюффлинг, разрабатывая штабные поездки, находился под влиянием поражения 1806 года и считал, что расположенная среди равнин Пруссия может быть опять атакована коалицией, которая может прийти, как в Семилетней войне, с запада, юга и востока. Мюффлинга одолевали те же проблемы, связанные с географическим положением Пруссии, которые толкнули Фридриха Великого на превентивную войну с Саксонией. Придуманные Мюффлингом ситуации были связаны с вторжением врага с запада, из Вестфалии и Рура, с войной против австро-саксонского альянса (вполне реальное предположение, учитывая, что в 1815 году Пруссия приобрела значительные территории) и организацией обороны против вторжения с востока. Его мысли были строго ограничены оборонительными войнами. Ему была чужда, и с моральной, и с практической точки зрения, идея о превентивной войне.

Главное, что отличает эпоху Мюффлинга, это сосредоточение на военном образовании и возникновение связей между Генеральным штабом и знаменитым берлинским издательским домом «Эрнст Зигфрид Миттлер и сын» («Ernst Siegfried Mittler & Son»). На протяжении ста двадцати пяти лет этот издательский дом оставался постоянным издателем Генерального штаба; в нем печаталось большинство военных писателей. Именно в эти годы фон Лилиенштерн и Клаузевиц заслужили право называться духовными отцами прусского офи-

церского корпуса. Сам Мюффлинг всячески содействовал созданию военных школ и составил первый устав для офицеров Генерального штаба армии. Кроме того, ему принадлежит подробный отчет о кампании 1813–1815 годов.

V

При Мюффлинге Клаузевиц написал свой классический трактат «О войне», труд, ставший основополагающим документом для офицеров Генерального штаба. Клаузевиц служил в Генеральном штабе в 1808 году, затем с 1813-го по 1815 год и в 1831 году, однако его по праву можно причислить к самым выдающимся личностям, когда-либо служившим в Генеральном штабе.

Карл фон Клаузевиц родился 1 июня 1780 года в одной из тех обедневших семей низшего дворянства, столь характерных для Пруссии. Прадед Клаузевица был протестантским пастором в Лейпциге, дед – профессором теологии в Галле. Отец, Фридрих Габриэль Клаузевиц, во время Семилетней войны служил лейтенантом в гарнизонном полку; был тяжело ранен, в связи с инвалидностью вышел в отставку и получил низкооплачиваемую должность акцизного чиновника в Бреге, где женился на дочери городского чиновника из Мерсебурга.

Сын, стройный, приятный юноша, лицом и прической напоминавший Гете, уже в двенадцатилетнем возрасте был зачислен в прусскую армию юнкером и позже стал одним из любимейших учеников Шарнхорста. Король считал Клаузевица «якобинцем», и только Бойену удалось добиться повторного назначения Клаузевица в Генеральный штаб. В период Бельгийской кампании Клаузевиц был начальником штаба второго армейского корпуса. В 1818 году, находясь в звании генерал-майора, он был назначен директором Всеобщего военного училища (Kriegsakademie) в Берлине. В 1831 году Гнейзенау пригласил Клаузевица в свою армию на должность начальника штаба. В конце лета 1831 года Клаузевиц, как и Гнейзенау, умер в Польше от холеры.

«Моя жизнь – это существование, которое не оставляет следов», – написал Клаузевиц после катастрофы 1806 года. Его опасения оказались необоснованными, хотя это стало известно лишь после его смерти. Снедаемый честолюбием, Клаузевиц производил впечатление застенчивого человека. Он не стремился увидеть прижизненное издание своих трудов. И только после смерти Клаузевица его вдова позволила опубликовать трактат «О войне». В своей работе автор рассматривает пять войн, в которых он принимал участие (война 1792–1795 годов, кампании 1806, 1812, 1813–1814 и 1815 годов), и сто тридцать две более ранние кампании. Автор ставил своей целью заложить основу философии войны и дать войне нравственную оценку.

Какие-то черты характера Клаузевиц унаследовал от предков, протестантских пасторов. Подобно им, Клаузевиц основывался на философии христианства. Однако по сути он был сыном эпохи идеализма; человеком высокого интеллекта, чувствительным, временами доходящим до фанатизма, который плохо согласовывался с его кантианским воспитанием. Философия Клаузевица вобрала в себя особенности переходного периода между распадом института абсолютизма и эрой растущего национализма. Война, учил Клаузевиц, инструмент деспотов, возвращенный народу. Отказ ограничить средства, использовать огромные территории (как в русской кампании 1812 года) и всю народную мощь с помощью всеобщей воинской повинности, эти неперемненные действия человека на войне, ближе всего к его истинной природе и абсолютному совершенству. Стратегия и тактика всегда определяются характером эпохи.

В век баланса сил, «шахматных войн» и «кабинетных войн» существовали свои способы урегулирования международных разногласий. Новый век потребовал новых форм ведения войны. Теперь не стоял вопрос о владении крепостью, провинцией или стратегиче-

ской точкой, как это было в дни династических войн. Теперь даже не стоял вопрос о поражении или выводе из строя армии врага. Теперь народы сражались за право жить. Следовательно, заявляет Клаузевиц, военное руководство должно решить, как максимально быстро и наиболее жестоким образом достигнуть поставленной цели – разрушить существующий строй вражеского государства. В XIX веке война связана с принятием решений и направлена на полное уничтожение.

Чем грандиознее и мощнее мотивы войны, пишет Клаузевиц, тем глубже они охватывают все бытие народов, чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем ближе война к своей абстрактной форме. Весь вопрос сводится к тому, чтобы сокрушить врага; военная цель и политическая цель совпадут, и сама война представится нам чисто военной, менее политической акцией. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель разойдется с целью идеальной войны, тем больше будет казаться, что война становится политической.

Бесконечные военные приготовления, которыми занимался Генеральный штаб, строились на этом законе «напряженности». Концепция Клаузевица о войне решений и полного уничтожения, благодаря неблагоприятному расположению Пруссии (а позже Германии), оказала влияние на всех известных стратегов, начиная с Мольтке, Шлифена, Людендорфа и до Гитлера.

Между рассуждениями Клаузевица и Людендорфа существовало одно коренное отличие. Клаузевиц был современником Гегеля. Не существует доказательств, что философия Гегеля оказала на него влияние или что он читал труды Гегеля, но частенько его идеи, если можно так сказать, витают в воздухе. По Гегелю, государство есть Божье проявление в мире. Клаузевиц рассматривал государство как сверхличность, которая раскрывает себя по ходу разворачивания истории. Для прусского офицера, а не для человека государство было абсолютной реальностью, а политика олицетворяла ум государства. Путем сложных доказательств Клаузевиц приходит к своему знаменитому заключению: «Война есть продолжение политики, только иными средствами».

Основной составляющей войны и политики является борьба как творческий принцип жизни, а поскольку война является продолжением рационального процесса, то человек должен быть хозяином войны. Ведение войны не является исключительно делом военных. Война затрагивает политиков, государственных деятелей. Клаузевиц отдает дань не воинственности, а мужеству, храбрости, отваге.

Война, писал Клаузевиц, последнее средство государственного деятеля. Как опасно, если вероломная политика надеется с помощью воинственных средств добиться цели, противоречащей природе. По мнению Клаузевица, во время войны командующий должен входить в кабинет министров, однако не должен иметь неограниченной власти. Государственные деятели просто должны опираться на его суждения и советы для выработки правильных решений. Высочайший уровень согласованности государственной системы является основным условием при принятии решения о войне на полное уничтожение.

В концепции войны как инструмента политики неявно просматривается идея, что в какой-то момент этот инструмент окажется ненужным. С течением времени Клаузевиц считал ее утопической. Когда в жизни народов будет расчищен путь для справедливости, можно будет создать общие правила для европейского сообщества. Но пока это не так, мечта о прочном мире остается грехом, поскольку противоречит божественному упорядочению человеческих дел, и война будет для людей *ultima ratio*⁹.

⁹ Последний довод, решающий аргумент (лат.).

Из рассуждений Клаузевица следует, что единственными факторами, играющими роль, являются государство и армия. Свобода, справедливость, личность отодвигаются на задний план, а ведь изначально Клаузевиц был среди радикальных реформаторов. Однако в период разгрома Пруссии мысль, что армия составляет суть государства, помогла задвинуть старые идеалы на задний план. В безвыходной ситуации, так теперь учил Клаузевиц, существование армии становится приоритетным по отношению к существованию самого государства. Типично прусское мнение, ведь армия была объединяющей силой монархии Гогенцоллернов. Сознательно или бессознательно, но этим принципом с 1918-го по 1933 год руководствовался рейхсвер. Пропасть между армией и либерализмом, возникшая после 1815 года, превратила Клаузевица в консерватора. Демократия для него была сродни катастрофе. Его идеал воплощался в «сильном государстве», гарантирующем народу военное образование. Государство создает народ. Эта мысль впоследствии оказала влияние на философов итальянского фашизма.

А вот какими были представления Клаузевица относительно внешней политики. Франция – главный организатор беспорядков. Единение Германии, которое по замыслу Штейна могло произойти в результате естественных исторических процессов, по мнению Клаузевица, могло осуществиться только силой оружия. Одно государство должно было подчинить все остальные. И этим государством должна стать только Пруссия со своей мощной армией. Пока еще не наступило это время, но Клаузевиц был уверен, что оно наступит. Вот почему в 1815 году он требовал усиления Пруссии за счет уничтожения Саксонии, Тюрингии и Гессена. Это было преддверие политики Бисмарка.

Доктрина Клаузевица получила подтверждение только после его смерти; создание неограниченного военного потенциала было напрямую связано с развитием науки и техники. Правда, еще при жизни Клаузевица Альфред Крупп основал в Эссене ружейный завод, превратив кузницу, унаследованную от отца, в один из ведущих арсеналов Европы. В 1846 году Крупп впервые изготовил нарезное ружье с дальностью стрельбы, намного превышающей показатели гладкоствольного оружия. В 60-х годах он начал производство казнозарядных ружей, помимо прочего обладавших еще и повышенной скорострельностью. Пруссия, Австрия, Италия и Россия использовали артиллерийские орудия, изготовленные на заводе Круппа. В 1870 году у Круппа работали десять тысяч рабочих.

В 1838 году в Пруссии между Постдамом и Берлином была построена первая железная дорога. Паровой двигатель произвел революцию на транспорте, а электрический телеграф коренным образом изменил систему связи. В 1840 году Пруссия вооружила свою пехоту казнозарядными ружьями с игольчатым ударным механизмом Дрейзе, обладавшими еще более высокой скорострельностью. Таким образом, промышленная революция создала новый тип войны по Клаузевицу – войну с привлечением огромных масс народа и современных технических достижений. Маркс, первый интерпретатор идеи о том, что экономический фактор формирует судьбы масс, был учеником Гегеля. С точки зрения Пруссии государство и история были двумя единственными реальностями, и эта точка зрения совпадала с марксистской теорией, рассматривавшей классовую борьбу как единственно возможную форму социальной борьбы, а экономический процесс как единственный двигатель хода истории. Это не простая случайность, что Маркс, сын еврейского раввина, женившегося на прусской аристократке, родился в Пруссии. Растущая численность и энергия масс, развитие прикладных наук привели к исчезновению германского гуманистического идеала. Наука создала специалиста. В военной сфере это означало победу анонимного офицера Генерального штаба, олицетворение военной специализации высочайшего потенциала.

VI

В 1829 году Мюффлинг ушел из Генерального штаба и был назначен чрезвычайным послом Пруссии, посредником в русско-турецкой войне. Его преемником стал генерал Вильгельм фон Краузенек, сын нетитулованного чиновника. Краузенек начал карьеру в прусской армии в должности инженера-географа. Затем был произведен в офицеры, служил в стрелковом батальоне и получил дворянский титул. При Шарнхорсте принимал участие в составлении нового прусского устава. Впоследствии стал командующим шестым армейским корпусом. Краузенек был начальником Генерального штаба, когда в июле 1830 года произошла революция во Франции и следом восстание в Польше. В тот момент казалось, будет трудно избежать вооруженного столкновения с Францией, и именно тогда на правый, немецкий берег Рейна вышли караульные части. Эти события подвигли Краузенека на создание плана защиты западных границ с помощью системы крепостей, своего рода «западной стены».

Как раз при Краузенеке в Генеральном штабе появились вдохновители великих войн 60-х и 70-х годов. В 1833 году в Генеральный штаб вошел премьер-лейтенант Гельмут фон Мольтке, в 1836 году капитан Альбрехт фон Роон, железный военный министр времен Бисмарка. Произошло еще одно примечательное событие: установление отношений с турецкой армией. По просьбе турецкого султана Мольтке вместе с другими офицерами Генерального штаба выступали в качестве инструкторов турецкой армии.

Эти были первые аккорды великой симфонии, однако эпоха Краузенека все еще испытывала влияние реакции. Даже возвращение Бойена, приглашенного Фридрихом-Вильгельмом III, мало что изменило. Краузенек, имевший до некоторой степени либерально-прогрессивные взгляды, не мог, даже если бы захотел, повлиять на ход событий. В 1848 году он с удовольствием воспринял известие о революции во Франции, но, когда революция докатилась до Берлина, он в испуге стал молиться о возвращении старого порядка. Когда в марте 1848 года в Берлине началось восстание, армия после тяжелых уличных боев ухитрилась остаться целой и невредимой. Казалось, победа гарантирована, но король отдал приказ войскам покинуть столицу. Офицерскому корпусу было нанесено оскорбление, о котором помнили спустя десятилетия. Для рабочих и представителей среднего класса, которые боролись за равенство в правах, армия превратилась в оплот реакции. Только ландвер в какой-то мере разделял чувства восставших.

Армия повела себя не самым лучшим образом. Для офицеров слово «демократ», писал Вальдерзе, ставший впоследствии начальником Генерального штаба, стало сродни словам «негодяй», «темная личность». Бисмарк, представитель юнкерства, заявил, что войска являются единственным ответом на демократию. «Жалкая клика вынашивала идею восстания» – такой была реакция знаменитого прусского гусарского полка. Когда некий лейтенант-инженер Рустов посмел опубликовать статью, в которой подверг критике армию, это государство в государстве, его по приказу военного министра арестовали. Позже он сбежал в Швейцарию и стал одним из наиболее известных военных писателей своего времени.

Армия холодно отнеслась к идее нового германского союза и франкфуртскому парламенту. Когда военный министр, сам некогда офицер прусского Генерального штаба, требовал, чтобы войска принесли присягу конституционной монархии, и настоял на назначении члена династии Габсбургов на пост временного правителя Германии, офицерский корпус выразил бурный протест; преданность государству означает преданность королю, ничему и никому, кроме как королю. В 1849 году прусская армия подавила последние вспышки восстания в Саксонии и Южной Германии. Восстановился союз между королем, офицерским корпусом и протестантизмом. Возникла та особая атмосфера, которую мы связываем с Ван-дерзе.

В этой обстановке пост начальника Генерального штаба занял генерал-лейтенант фон Рейхер. Он был сыном органиста из маленькой бранденбургской деревушки. В юности пас овец. Поступил на службу в прусский пехотный полк в качестве клерка. Благодаря выдающимся способностям был произведен в офицеры, служил в уланском полку. В 1815 году был переведен в Генеральный штаб. Пользовался доверием брата короля, принца Вильгельма Прусского, человека, который в марте 1848 года сбежал в Англию. Во время мартовских беспорядков 1848 года Рейхер занимал пост военного министра.

Рейхер был простым человеком, но он был офицером, был возведен в дворянство и разделял точку зрения прусского офицерства. Он с отвращением наблюдал за революцией, поскольку она поставила под угрозу существующий порядок. Рейхер придерживался тех же простых убеждений, как бранденбургские крестьяне, которые в 1848 году отказались принимать участие в выборах в Национальное собрание, заявив, что король так долго управлял страной, что и теперь обойдется без их помощи. Все усилия Рейхера были направлены на поддержание особой позиции Генерального штаба в условиях, в которых осуществить это было особенно трудно. Как военный министр, он пытался сдержать власть военного кабинета. Однако в период реакции, последовавший после 1848 года, король, несмотря на парламент и конституцию, попытался превратить военный кабинет в личную канцелярию, занимающуюся делами армии, и дать ему исключительное право ведения всех военных вопросов. В период с апреля 1848-го по декабрь 1851 года сменилось более шести военных министров. Назревал конфликт. Неожиданно при Мантейфеле военный кабинет захватил власть, и возникла идея поглощения Генерального штаба военным кабинетом. Рейхер испытал огромнейшие трудности, пытаясь воспрепятствовать этой идее.

По сути, революция 1848 года была буржуазной. Но как либерализм периода Штейна – Гнейзенау в основном сопрягался с духовной и политической свободой образованных классов, так и революция 1848 года сопрягалась с классовой войной. Развитие промышленности вызвало появление новой сильной буржуазии, которая требовала полнейшего равенства не только в политической, но и в социальной сфере. Стремление к национализму, охватившее верхние слои среднего класса, привело к постепенному исчезновению прежних понятий о преданности правящей династии. Эта тенденция наблюдалась и в России, третьей по счету огромной реакционной державе. Экономический подъем в сочетании с растущим национализмом в конечном итоге привел к милитаризму.

Наступил момент, когда в ведение войны вмешалась наука. В Генеральном штабе возросло число офицеров, выходцев из среднего класса, занявших технические должности. Рыцарские традиции и топот кавалерии отошли на задний план. Наступило время специалистов, узких специалистов, людей ограниченных, более податливых к восприятию националистических идей, чем старое поколение офицеров, которым были ближе великие идеи их времени. Они жили в век Гете и германского гуманизма, который давал ясное и всестороннее представление о жизни. Но прежде чем говорить о смене обстановки, следует остановиться на личности Мольтке-старшего, на которого еще упали лучи заходящего солнца гуманизма.

Глава 4

ЧЕЛОВЕК-ТАЙНА

Гельмут фон Мольтке

I

Интересно, что именно Мантейфель предложил кандидатуру Мольтке как преемника Рейхера на должность начальника Генерального штаба, тот Мантейфель, который сохранил ведомство, первоначально называвшееся военным кабинетом (затем получившее название департамент по личным делам), которое заняло приоритетное положение по отношению к своему сопернику, Генеральному штабу. Однако не кто иной, как Мольтке, его собственный кандидат, круто изменил положение и решительно повел с ним тайную борьбу.

Фон Мантейфель очень напоминал Рюхеля, и Клаузевиц мог бы сказать о нем то же, что говорил о Рюхеле: в этой личности словно сосредоточился дух прусской воинственности. Грубый, малокультурный человек, испытывавший отвращение к «писателям» (к тем, кого Теккерей в своих романах называет «литераторами»).

Снедаемый честолюбием Мантейфель, тем не менее, придерживался несколько старомодного понятия о благородстве и отваге. Основной движущей силой практически всех его действий была ярость от того унижения, которое он испытал в 1848 году, когда высшее руководство армии отдало приказ отступить перед чернью. Больше всего ему бы хотелось, как-то заявил Мантейфель, растоптать революцию. Пруссия ассоциировалась у него с армией, а все то, что не было связано с армией, вызывало у него не просто непонимание, а неприкрытую ненависть. Его совершенно не интересовал тот факт, что промышленная революция изменила облик Пруссии, введя в действие огромные потенциалы и поставив массу новых проблем.

Пятидесятилетний генерал-майор фон Мольтке был полной противоположностью всемогущему генерал-адъютанту. На тот момент Мольтке был практически неизвестен в армии. С 1855-го по 1858 год он был адъютантом принца Фридриха Прусского (впоследствии императора Фридриха III). Он никогда не командовал не то что дивизией, а даже полком. Изящный, с тонкими чертами лица, высоким лбом, тонкими губами, он не производил впечатления сильного и здорового человека, но его спокойная, взвешенная манера поведения выдавала в нем истинного пруссака. Говорят, что умение разбираться в музыке и в табаке характеризует мужчину с положительной точки зрения. Мольтке предпочитал Моцарта и любил в одиночестве выкурить хорошую сигару. Читал серьезную литературу и относился к тому типу эрудированных офицеров, последними представителями которого были Сект и Бек.

Гельмут Карл фон Мольтке родился 26 октября 1800 года в Мекленбурге в семье обедневшего дворянина. Отец Мольтке, на удивление неугомонный и непостоянный, умудрился спустить унаследованное состояние и стать первым прусским, а затем датским офицером. Мать Мольтке, происходившая из старинной любекской семьи, была более значимой личностью. Безусловно, именно от матери Мольтке унаследовал выдержку, самообладание, изысканный вкус и возвышенные чувства и мысли.

Мольтке, закончив обучение в королевском кадетском корпусе в Копенгагене, поступил на службу в чине лейтенанта в пехотный полк датской армии. Его юношеские годы были омрачены бедностью, безысходностью, отчаянием, в общем, обычными безрадост-

ными спутниками обедневшей старинной фамилии. Его чувствительная душа долго помнила обиды и оскорбления, нанесенные в годы учебы в кадетском корпусе. Вдобавок ко всему он отличался слабым здоровьем.

В 1821 году, после поездки в Берлин, Мольтке сменил датскую форму на темно-синий мундир прусского офицера; прусская армия сулила большие возможности. Таким образом, Мольке начал восхождение по профессиональной лестнице с расположенного в тихом провинциальном Франкфурте-на-Одере лейб-гренадерского полка.

Семья не могла оказывать материальную поддержку молодому лейтенанту, и Мольтке, в надежде заработать хоть какие-то деньги, решил попробовать себя в качестве писателя. Его труды издавались в основном без указания имени автора. Одна из работ была посвящена исследованию внутреннего положения Польши в период революции 1830 года. Он не пренебрегал и переводами. Когда предприимчивый издатель предложил ему перевести на немецкий язык «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона (в двенадцати томах), он с готовностью принял это предложение.

Мольтке, безусловно, имел художественную жилку, но, несмотря на восприимчивый ум, он был абсолютно равнодушен к политике. Он был солдатом и служил государству. Тому государству, которое, как ему казалось, находилось в процессе плодотворного развития. Реформы Штейна – Гарденберга сделали все необходимое для плавного протекания этого процесса. Пруссия, с подкупающим простодушием писал он в 40-х годах, находилась на переднем крае реформирования, была инициатором «обоснованных свобод».

Проработав несколько лет в топографическом бюро, гдегодились его способности к черчению, в 1833 году Мольтке был переведен в Генеральный штаб в чине премьер-лейтенанта. В 1835 году он был направлен в Турцию, где султан Махмуд II пытался привить западные приемы в своем государстве, находящемся на стадии упадка. Огромный опыт, приобретенный Мольтке в Турции, существенным образом повлиял на его дальнейшую жизнь.

Поездка была предпринята в момент, когда в Турции сложилась критическая ситуация. После ожесточенной борьбы Греция отвоевала независимость. Вице-король Египта стал фактически независимым правителем. Прошли времена, когда янычары и сипахи наводили ужас на врага. Теперь султан задумал заменить их армией, реорганизованной на европейский лад. Прусские офицеры считались лучшими со времен Фридриха Великого. Руководствуясь этими соображениями, Махмуд обратился к прусскому королю с просьбой направить в Турцию военных инструкторов. Так было положено начало отношений между Пруссией и Турцией, которые впоследствии имели важное значение.

Мольтке должен был отчитываться перед непосредственным начальником, фон Краузенеком, но формально он вместе с несколькими офицерами поступил на службу в турецкую армию. В 1839 году в качестве советника Мольтке сопровождал турецкого командующего Хафиз-пашу в походах на курдов, в Сирию и Египет. К сожалению, турецкий командующий советам военных экспертов предпочитал предсказания астрологов, и решающий бой при Нисибе выиграли египтяне. По возвращении в Пруссию Мольтке написал книгу, в форме писем, о поездке в Турцию. Книга, отличавшаяся мягким юмором, прекрасными описаниями страны и людей, имела большой успех, принесла известность автору и заняла достойное место в германской эпистолярной литературе.

В 1842 году Мольтке женился. Невеста была падчерицей его сестры, вышедшей замуж за английского землевладельца Джона Барта. Мольтке, несмотря на отсутствие детей, был счастлив в браке. В 1855 году Мольтке получил назначение в Рим на должность первого адъютанта принца Генриха Прусского. Это странное назначение – ведь потомок Гогенцоллернов на протяжении двадцати лет был фактически отрезан от мира – предоставило возможность совершить путешествие в Рим. Таким образом, литературные изыски Мольтке получили продолжение.

Однако не только литературная деятельность Мольтке может вызвать интерес читателя. В гораздо большей степени нас интересует проблема, связанная с людьми, создавшими мощную культуру, продемонстрировавшими большие способности во всех видах искусств, но оказавшихся практически незащищенными.

Эта была беда Германии, а может, и всеобщая беда. Германия должна была осознать эту проблему еще в то время, когда национализм пошел в наступление, когда соображениям престижа придавалось большее значение, чем сегодня, когда войны внушали гораздо меньший ужас, чем современные войны, и, следовательно, вызывали меньший протест и воспринимались как обычные человеческие дела. Надо было заниматься проблемой безопасности, проблемой, о которой никогда не забывали германцы.

Мольтке, естественно, был озабочен проблемой безопасности, хотя его опасения не носили патологический характер. Он, как и многие, никогда не забывал, что Пруссия окружена сильными соседями, которые могут относиться к ее подъему со смешанными чувствами, а некоторые, к примеру Австрия (не забывшая Фридриха Великого), и затаить обиду. Эта мысль проходит красной нитью в статье 1841 года по проблеме германских западных границ. В статье Мольтке, исходя из чисто военных соображений, ратует за общегерманский союз и высказывает мнение, что даже в мирное время Пруссия должна рассматривать себя как армию, разбившую лагерь перед лицом могущественного врага. Но вернемся в 1848 год.

В то время Мольтке был штабным офицером, и в революции он в первую очередь видел угрозу для боевой готовности Пруссии. Кроме того, будучи аристократом-консервативом, Мольтке верил, что прогресс возможен только в рамках закона. Как бы там ни было, но порядок был политическим кредо Мольтке. Демократические иллюзии, словно холера, охватили Европу, пишет Мольтке жене, любая власть лучше, чем управление страной юристами, литераторами или офицерами, уволенными со службы.

Его враждебность имеет еще одну причину. Как мы помним, Мольтке верил в объединение Германии и считал, поверьте на слово, что объединение может быть достигнуто только с помощью силы (безусловно, он читал Клаузевица). Он никогда не рассматривал другие способы достижения германского националистического идеала, никогда не испытывал доверия к франкфуртскому парламенту, чья усердная деятельность вызывала у него невыносимое презрение.

II

Октябрь 1848 года ознаменовался победой реакции. Виндишгрец захватил Вену. В Пруссии графом Бранденбургом были предприняты «жесткие меры», которых настоятельно требовал Мольтке. 10 ноября во главе пятнадцатитысячной армии фельдмаршал Врангель вступил в Берлин, разоружил отряды вооруженной гражданской самообороны и ликвидировал Национальное собрание.

Правда, были сделаны уступки. Была принята конституция. Законодательная власть перешла двухпалатному правительству (рейхстагу). Реакции удалось одержать существенную победу, хотя на протяжении последующих пятнадцати лет не только Мольтке, но и все прусское офицерство опасалось нового революционного всплеска. В 1850 году Мольтке написал брату, что наступил конец самого злейшего врага Пруссии, демократии.

Однако становилось ясно, что реакция (да-да, даже прусская реакция) не лишена изъянов. Мольтке находил особое утешение в мысли, что революция не смогла существенно поколебать основы прусского полицейского государства.

Однако события показали, как трудно устоять полицейскому государству под напором других государств.

Но вернемся в тот период, когда Мольтке являлся адъютантом принца Фридриха. В этом качестве он объездил Европу, посетил Виндзор (в скором времени Фридрих должен был стать зятем королевы Виктории), побывал в Тюильри, Кремле и Зимнем дворце. Императрица, с той глубиной, которая иногда отличает восприятие царственных особ, отмечала, что Мольтке был немногословен, но не производил впечатления мечтателя. Он показался ей человеком в высшей степени проницательным, мучимым внутренними противоречиями.

Таким был офицер, которого в 1857 году временно назначили на должность начальника Генерального штаба, а 18 сентября 1858 года официально утвердили на этой должности. Прямо скажем, момент был не слишком благоприятный. В отличие от департамента персональных дел под руководством Мантейфеля, который стремился командовать всей армией, влияние Генерального штаба при Краузенеке и Рейхере неуклонно снижалось. Особое положение, которого Генеральный штаб добился при Мюффлинге, является исключительно личной заслугой начальника штаба.

Но не стоит заблуждаться. Более подходящего времени для человека, обладающего такими качествами, как у Мольтке, трудно было придумать. Техническая революция уже достигла того уровня, при котором армия не могла оставаться в стороне. Но пока еще не все до конца осознали значение технической революции. Перевооружение пехоты на казнозарядные ружья с игольчатым ударным механизмом продолжалось до 1848 года, и только в 1861 году очередь дошла до артиллерии.

Что, прежде всего, отличало Мольтке, так это стремление использовать технические нововведения, и главное – железную дорогу. Мольтке мгновенно оценил тактическое и стратегическое значение железной дороги.

Наполеону приходилось прибегать к различным уловкам, чтобы сконцентрировать большие массы для нанесения сильного удара. Учитывая неудовлетворительное состояние дорог и ограниченность средств связи, задача была, прямо скажем, трудноразрешимой. Теперь ситуация изменилась. Новые средства связи в сочетании с новыми транспортными средствами открывали огромные возможности. Мольтке разработал новый метод развертывания в решающий момент находящихся на большом расстоянии друг от друга подразделений.

Использование данного метода предполагало наличие у командиров «умственных способностей» и умение принимать собственные решения. Маршалы Наполеона были орудиями в руках деспота, который требовал слепого повиновения. Там, где подчиненные Наполеона действовали в одиночку, они терпели неудачу. Подчиненные Мольтке были приучены думать и действовать по собственному разумению. Некоторые писатели придают этому факту глубокое философское значение и связывают эту «духовную свободу личности» с мало понятной областью германской метафизики. Традиция ответственности подчиненных стала определяющим фактором прусской армии, и в особенности Генерального штаба. Принц Карл Прусский как-то высказал мнение о прусской концепции рабского повиновения штабных офицеров. Король, заявил он, направил меня в штаб, рассчитывая, что таким образом будет осведомлен о случаях неповиновения.

В свете этой идеи Мольтке вывел из системы основных директив руководящий принцип. Преимущество, которого, как думает командующий, он может достигнуть с помощью постоянного личного вмешательства, в значительной степени иллюзорно, позже писал Мольтке. Он выполняет задачу, которую на самом деле должны выполнять другие, и тем самым расстраивает их планы. Кроме того, он настолько перегружает себя работой, что уже не в состоянии решать весь объем свалившихся на него задач. Сам Мольтке не допускал подобной ошибки. Он был уверен в себе и доверял другим. Свое чувство ответственности он передавал подчиненным. Мольтке воспитал поколение офицеров Генерального штаба, отличавшихся высоким интеллектуальным развитием, принципиальностью, скромностью,

непритязательностью. Эти люди оказывали большое влияние на армию, поскольку практически все командование прошло через школу Генерального штаба. В военной сфере школа добилась выдающихся успехов, но беда заключалась в том, что она полностью отгородилась от интеллектуальной и политической жизни.

Однако вернемся к вопросу, связанному с появлением железной дороги. Мольтке понял, что благодаря железной дороге Пруссия впервые получила возможность быстрой переброски войск. Основываясь на этом, Мольтке заявил, что развитие железнодорожной системы намного важнее, чем строительство фортификационных сооружений на границе.

При Мольтке была проведена структурная реорганизация Генерального штаба. Прежние отделы большого Генерального штаба были заменены тремя департаментами (поначалу они назывались «театры военных действий»), окончательно сформировавшими принципиальную основу всей системы. Первый департамент занимался Швецией, Россией, Турцией и Австрией; второй, впоследствии известный как «германский отдел», Германией, Данией, Италией и Швейцарией, а третий, «французский отдел», Францией, Англией, Голландией, Бельгией, Испанией и Соединенными Штатами.

Ввиду постоянного использования железных дорог для мобилизации и переброски войск создали департамент железных дорог. Мольтке был убежден, что решающее условие оперативного успеха в будущей войне – быстрота переброски войск по железной дороге, поэтому требовал тщательно отработать расписание движения поездов. Этим занимался отдел Генерального штаба в сотрудничестве с министерством торговли, которое в то время отвечало за железнодорожную систему. Учитывая возможный конфликт с Данией, первые большие учения были проведены в 1862 году на перегоне Гамбург – Любек.

III

С 1858 года реформирование армии стало самым животрепещущим вопросом. Конфликт, возникший между парламентом, армией и королем, омрачил Мольтке первый год пребывания в должности начальника Генерального штаба. Предполагалось, что двадцать пять процентов государственных доходов будут уходить на проведение реформирования армии: введение трехлетнего срока службы, перегруппировку армии (теперь она состояла из тридцати девяти пехотных и десяти кавалерийских дивизий) и проведение других реформ. Сторонники прогресса, левые и так называемое прогрессивное большинство парламента, продолжали видеть в армии инструмент старого режима и категорически возражали против увеличения расходов на нее. Они относились к армии как к реакционной силе, враждебной по отношению к парламентау.

И это вполне объяснимо. Парламент практически не имел власти над армией. Ему досталась лишь весьма сомнительная честь проголосовать за увеличение ассигнований. Военный министр не являлся членом парламента, а на органы, подобные военному кабинету, парламента не имел никакого влияния.

Итак, разногласия по поводу увеличения ассигнований стали основной прусской проблемой. Мы уже говорили о том, что имущие классы обладали приоритетным правом при голосовании. Теперь они полностью осознали собственную значимость и боролись за право реально участвовать в делах государства.

Мольтке избегал вмешиваться в этот конфликт. Прогрессисты с невероятной энергией обрушивались на департамент личных дел, и Генеральный штаб просто не мог оставаться в стороне. Мольтке имел вполне определенное мнение. Народный протест соответствовал духу времени, но никогда нельзя позволять затрагивать армию, являющуюся основой государства.

К сожалению, многие из тех, кто разделял мысли Мольтке, не обладали его хладнокровием. Офицеры испытывали нечто похожее на ту ярость, которая охватывала офицерский корпус при воспоминаниях об оскорблении, нанесенном им в марте 1848 года; многих бы очень устроила возможность уладить вопросы с помощью небольшого кровопролития. Так что, когда в 1861 году на престол вступил король Вильгельм I, обстановка была, прямо скажем, накаленной.

Монарх, при условии сохранения королевской власти над армией, продемонстрировал откровенное желание сотрудничать с парламентом. Ряд министров, в том числе друг Мольтке фон Патов, министр финансов, не возражали против компромисса. В высших сферах имелись и другие признаки примиренческих настроений. Принцесса Фредерик, истинная дочь принца-консорта, еще годом ранее составила документ относительно прусского парламентаризма, и ее муж, безусловно, придерживался прогрессивных взглядов. Но все это было пустое. Армия Вильгельма не только не собиралась сдаваться, но и была готова поплатиться за собственную непримиримость. В тяжелые моменты Мольтке рисовал мрачные картины. Его вполне могли отстранить от должности, или, что еще страшнее, его могла постигнуть участь английского Чарльза I. Но уже ничто не могло остановить упрямого начальника Генерального штаба. Армия была опорой монархии. Следовательно, о компромиссе не могло быть и речи.

Тремя годами ранее произошло событие, которое в некотором роде должно было оказать влияние на будущее. В политику неожиданно ринулась такая впечатляющая личность, как генерал фон Роон. В то время генерал командовал 14-й пехотной дивизией, расположенной в Дюссельдорфе. Это был человек-гора, темноглазый, с кустистыми бровями и вызывающе вздернутыми кверху усами; типичный прусский сержант. Он сам любил называть себя «королевским сержантом». Однако другие, умышленно стараясь провести различие между ним и остальными членами его семьи, называли его «негодяй Роон».

В 1858 году Роон создал документ под названием «Конституция Отечества». Этот любопытный документ предусматривал трехлетний срок службы, увеличение численности армии и слияние подразделений, в которые входили молодые члены ландвера, с основной армией.

Этот документ привлек внимание Вильгельма, в то время еще принца-регента, и в результате в 1859 году Роон оказался на посту военного министра. Теперь Роон стал высказываться еще более решительно. Армия, считал он, является профессиональной школой аристократии, и во главе ее, естественно, должен стоять король. Роон был в основном озабочен тем, чтобы, как он любил говорить, «в путанице конституционных идей» сохранить позицию монарха в качестве Верховного главнокомандующего. Нет ничего удивительного, что Вальдек, лидер прогрессистов, имел прямо противоположное мнение.

В 1861 году, помимо вступления на престол Вильгельма, произошел еще ряд интересных событий. В июле студент русско-германского происхождения предпринял неудачную попытку покушения на прусского монарха в Баден-Бадене. Мантейфель бросил вызов члену парламента Твестену, который сравнил Майтенфеля со всеильным австрийским генералом, в значительной степени ответственным за недавние беды, постигшие Австрию. В гуще событий неизменными оставались лишь парламент и Роон. Первый по-прежнему отказывался утвердить увеличение расходной сметы на армию, второй продолжал оставаться военным министром.

Хотя внешне все обстояло относительно спокойно, Мантейфель и Роон были уверены, что их противники из парламента в один прекрасный день выйдут с призывами на улицы. Роон считал, что непременно будет предпринята попытка революции. По мнению Мантей-

феля, пробил час, когда следовало принять меры по предупреждению возможной попытки. В результате был создан план военного *coup d'etat*¹⁰, направленный против парламента.

Генерал фон Гаертринген получил приказ разработать детальный план наступления на Берлин. Любопытный факт. Когда план наступления был готов, Генеральный штаб начал препятствовать его выполнению. Десятью годами раньше подобный поворот событий был просто невозможен.

Данный план предусматривал захват Берлина войском численностью около тридцати пяти тысяч человек. Они должны были занять укрепленную позицию у дворца, расположенного в центре города, и ждать подхода воинских подразделений из других частей страны; между дворцом и казармами была установлена телеграфная связь. В случае сопротивления со стороны масс перед захватом следовало провести артиллерийский обстрел. Командующие в Штеттине, Бреслау и Кенигсберге получили секретные приказы, содержавшие план, с указанием: вскрыть конверты после получения телеграфной шифрограммы.

Руководить смелым предприятием Мантейфель и Роон доверили старому фельдмаршалу Врангелю. Король, ознакомившись с планом операции, лично подписал секретные приказы. Позже, когда король потерял самообладание и вновь заговорил об отречении, произошел интересный случай с фельдмаршалом Блюхером, который заявил, что не может идти речи об отречении. Секретные приказы угрожают военным судом любому офицеру, идущему на уступки народу. Король не может предстать перед военным судом, но перед Божьим судом предстает даже король.

В данный момент король решил, что у него нет оснований опасаться Страшного суда. План избавления от парламента насильственным путем допускал, что парламента обратится к массам с призывом выйти на улицы. К сожалению, парламента этого не удалось. Лассаль, который весной 1862 года предпринял первую попытку формирования социал-демократической рабочей партии, посоветовал прогрессивным лидерам прибегнуть к пассивному сопротивлению и отказаться от какого-либо сотрудничества с государством. Прогрессисты, конечно, догадывались, что армия только и ждет момента, когда они нарушат закон, чтобы тут же решительно вцепиться в букву закона. Таким образом, борьба свелась к парламентским дискуссиям, и 6 марта 1862 года Адольф Хаген вышел с требованием составить перечень всех расходных статей, в том числе и ассигнования на армию.

Парламент был распущен. Либеральные министры уволены. Однако в результате новых выборов вновь победило прогрессивное большинство. В соответствии с действующими правилами Мольтке с галереи наблюдал за парламентскими сессиями, чтобы «посмотреть на тех, кто, по мнению народа, будет руководить лучше, чем его величество». 25 сентября парламента принял решение запретить расходовать средства на реформирование армии. Король вновь вернулся к мысли о сложении полномочий. Мантейфель и Роон опять носились с идеей о *coup d'etat*. Но в этот момент в роли спасителя выступил человек, обладавший острым умом и в то время занимавший должность прусского посла во Франции. Им был Отто фон Бисмарк.

Бисмарк был достаточно проницателен, чтобы распознать слабость прогрессистов. С полной уверенностью он сказал, что будет поддерживать проведение реформирования армии. Он выполнил данное обещание, подчеркнув, что обстоятельства вынуждают его признать необходимость расходов на армию и он готов пренебречь формальным конституционным одобрением.

3 сентября он произнес знаменитую речь, в которой заявил, что насущные вопросы не были улажены, поскольку в 1848–1849 годах люди думали о речах и парламентских резолюциях, а не о крови и непреклонности. Не самое удачное из его высказываний. Позже он

---

¹⁰ Государственный переворот (фр.).

старался объяснить, что имел в виду. Возможно потому, что он сказал именно то, что имел в виду.

Секретные приказы оставались в силе до 1864 года и не изымались до окончания датской войны. События приняли новый оборот. Появился великий триумвират – Бисмарк, Мольтке, Роон.

IV

До 1862 года Мольтке испытал все неудобства нахождения во властном вакууме, и вполне естественно, что новые армейские законы должны были вызвать у него чувство облегчения. Текущие планы 1857–1858 годов предусматривали создание стратегических укреплений; Франция открыто демонстрировала враждебность по отношению к Пруссии.

Когда в 1859 году во время франко-австрийской войны в Италии появилась реальная угроза войны с Францией, фон Бонин, военный министр, одним из первых признавший Мольтке, выяснил его точку зрения и, как бы между прочим, распорядился, чтобы начальник штаба в дальнейшем отчитывался непосредственно перед ним, минуя каналы главного военного департамента. В данном случае Мольтке был на стороне Австрии. В конечном итоге Пруссия провела мобилизацию и штабные переговоры с Саксонией и Ганновером. Сомнительно, чтобы Мольтке воспринимал опасность с особым энтузиазмом.

Сложившаяся ситуация заставила Мольтке пересмотреть планы развертывания на западе. Результаты его соображений особенно интересны, поскольку теперь он считал, что Голландия и Бельгия примут участие в любой будущей войне с Францией на той или другой стороне. Если это произойдет, то Мольтке планировал двинуться через Бельгию к бассейну Сены и нанести удар по Парижу. Он предвосхитил план, впоследствии разработанный Шлифеном и оказавший серьезное влияние на историю человечества. Однако Мольтке не собирался осуществлять этот план, если Бельгия не пожелает вступить в войну.

Одно совершенно ясно. Мольтке не давал покоя извечный немецкий вопрос и в страшных снах представлялась перспектива войны с Францией. Мольтке предвидел, что Франция обязательно отреагирует на внезапное сосредоточение германских сил в Центральной Европе. Ко всему прочему война в Италии тоже усилила напряженность. Проникновение Франции на «романские территории» вполне могло возбудить у французов аппетит. Так почему бы им было не захватить Рейн? Что бы произошло, если бы Франция смогла договориться с другой державой? В конце концов, Наполеон способен нажать капитал и в случае трехстороннего конфликта.

Чем больше Мольтке рассуждал на эту тему, тем мрачнее становился. В меморандуме, написанном в конце 1859-го – начале 1860 года, он в красках рисует картину возможного объединения романских и славянских народов, то есть Франции и России, против германской Центральной Европы, хотя и не верил, что скоро наступит время для такой «битвы титанов». В 1862 году возросла его уверенность в могуществе Пруссии, и, когда в том же году Пруссия с целью восстановления правопорядка вмешалась в дела Гессен-Касселя и нависла угроза австро-баварско-французской коалиции, Мольтке был за принятие решительных мер в духе Фридриха Великого. К счастью, во всяком случае, в данной ситуации, благодаря благоразумию Бисмарка удалось избежать крайних мер.

Как удачно, что Мольтке был последователем Клаузевица! Профессиональные военные редко бывают милитаристами, но иногда они склонны недооценивать трудности, связанные с адаптацией военных средств применительно к обеспечению политических целей. Клаузевиц ясно дает понять (по крайней мере, это подразумевается в его доктрине), что выбор цели лежит вне пределов компетенции солдата. Мольтке, являясь продолжателем идей Клаузевица, в основном подчинялся Бисмарку, хотя личные отношения между ними были более

чем прохладные. Трагедия Германии заключалась в том, что эта звездная пара, состоявшая из великого солдата и великого государственного деятеля, была уникальной и никогда больше за всю историю государства не повторилась.

V

В 1864 году старая проблема с герцогствами Шлезвиг и Гольштейн обернулась открытой войной, в которую были втянуты Дания, Пруссия, Австрия и объединенная Германия. При этом положение Генерального штаба мало чем отличалось от положения генерал-квартирмейстерского штаба в 1806 году. Никто не понимал, как его следует использовать. Старик Врангель, назначенный Верховным главнокомандующим, заявил, что Генеральный штаб совершенно бесполезен и прусскому королевскому фельдмаршалу не просто стыдно, а позорно использовать этих «чертовых клерков».

Но постепенно Генеральный штаб освобождался от славы беспомощного, недееспособного органа. В начале войны деятельность Мольтке все еще была ограничена. Он только вносил предложения военному министру, в то время как директивные указания по ведению кампании исходили от короля и, пройдя военное министерство, поступали к Верховному главнокомандующему. К Мольтке не приходили даже отчеты о ходе кампании. На ранней стадии войны он пользовался исключительно информацией, получаемой в частном порядке от генерала фон Блюментала, начальника штаба принца Карла-Фридриха. Мольтке удалось посетить ставку Верховного главнокомандующего, только когда наступление шло уже полным ходом.

В истории с выдвижением Мольтке рассказчик, как в хорошей детской сказке, нашел элемент счастливой случайности. После того как датчане отошли на укрепленные позиции и встал вопрос о наступлении на их позиции, Роон попросил короля привлечь к обсуждению Мольтке. Даже в том случае, когда король начинал военные действия, Мольтке оставался в Берлине. Основная причина продвижения Мольтке по служебной лестнице скорее связана не с объективным признанием его достоинств, а с тем фактом, что следовало уволить начальника штаба Врангеля генерала фон Фалькенштейна, неуживчивого, невероятно упрямого человека. Потребовался преемник, и Мольтке был временно назначен на эту должность.

Первой крупной прусской победой был штурм Дюппеля. Когда вмешательство Англии и Швеции привело к перемирию и Врангель был смещен с поста главнокомандующего, принц Карл-Фридрих попросил Мольтке остаться. После возобновления военных действий прусские войска заняли остров Алсен и всю Ютландию. Осенью был заключен мир.

Эти успехи впервые принесли Мольтке широкую известность и привлекли к нему внимание короля. Мольтке терпеливо ждал момента, когда его деятельность будет подтверждена успехом, и теперь, сославшись на возраст, можно будет уйти в отставку. Но король, как и Роон, признал заслуги Мольтке. Роон предпринял важный шаг. Он добился отставки Мантейфеля и заменил его на посту руководителя департамента личных дел генерал-майором фон Тресковом, выдержанным, объективным человеком, во многих отношениях близким по духу Мольтке. Это назначение имело далеко идущие последствия. Именно Тресков убедил короля приглашать Мольтке на все министерские заседания, где обсуждались вопросы Генерального штаба. Это было началом важнейших событий, но ни в коем случае не означало конец истории.

В вопросе герцогств Габсбург и Гогенцоллерн выступали как союзники; больше не требовался ответ на вопрос – кто из двоих должен занимать первенствующее положение в Германии. Мысль о войне против Австрии вызывала у Мольтке искреннюю неприязнь, и в этом он был не одинок; католики Силезии и Рейна активно выражали свой протест. Однако Бисмарк уже видел австрийцев на подходах к Берлину.

Можно было не сомневаться в направлении политики Бисмарка, и зимой 1865/66 года Мольтке анализировал положение исключительно с военной точки зрения. Он предвидел, что Франция и Россия будут сохранять нейтралитет, в то время как Саксония и государства Южной Германии останутся союзниками Австрии. Он не был уверен в отношении Курхесена и Ганновера, но не сомневался, что общие интересы сделают потенциального прусского союзника из Италии. Мольтке считал, что австрийцы перейдут в наступление и пройдут на Берлин через Саксонию. Поэтому внес предложение, двинувшись в Богемию из Саксонии и Силезии, нанести встречный удар.

Несмотря на поддержку Трескова, положение Мольтке как советника короля и посредника между королем и военным министром было все еще крайне ненадежно. Король предпочитал обсуждать военные вопросы с генерал-адъютантом фон Альвеншлебенем. Мольтке было трудно отстаивать свою позицию. Однако, несмотря на все сложности и протесты со стороны консервативных теоретиков вроде Альвеншлебена и полковника Доринга из Генерального штаба, Мольтке планировал нанести удар по основной австрийской армии с помощью четырех отдельных армейских подразделений, которые должны были сойтись в Богемии. Пруссия, имевшая в своем распоряжении пять железнодорожных линий, находилась в более выгодном положении, чем Австрия, имевшая всего одну железнодорожную ветку.

Мольтке составил план развертывания на дистанции около трехсот километров, от Саксонии до Нижней Силезии. По его замыслу армии, наступавшие по огромной дуге, должны были сойтись, только находясь в непосредственной близости от врага, можно даже сказать, фактически на поле боя. В этой операции должно было быть задействовано шесть седьмых всех прусских сил; никого не интересовала, к примеру, судьба Силезии, лишившейся защиты. В Центральной Германии слабая армия под командованием генерала фон Фалькенштейна должна была маскировать Ганновер, поскольку он решил присоединиться к государствам, находящимся в состоянии войны. На последней стадии эта армия, заявив о поддержке австрийцев, двинулась в направлении Рейна против контингента государств Южной Германии.

Безусловно, стратегия Мольтке была разумной. Однако стратегические принципы (по сути, простые) в основном не находили понимания, а может, те, с кем требовалось проводить консультации, были излишне осмотрительны. Тем не менее, Мольтке, успешно поборов дорингов и альвенштейнов, столкнулся с внушительной и труднопреодолимой преградой в лице кронпринца. Последний настаивал, и весьма успешно, на необходимости оставить в Силезии часть армии. Мольтке энергично протестовал. Защита и спасение Силезии, утверждал Мольтке, произойдет в Богемии.

Количество армий было сокращено до трех. Следует отметить, что, когда Бисмарк, не без помощи Роона, но в основном силой собственной власти приказал 8-му армейскому корпусу остаться в Кобленце для защиты Рейнской области, Мольтке, заручившись поддержкой короля, добился противоположного решения.

Теперь король формально поддерживал позицию Мольтке. Согласно приказу кабинета от 2 июня 1866 года, начальник штаба получил право издавать приказы. До последнего времени Мольтке занимался только составлением оперативных планов, но не их приведением в жизнь. Приказ кабинета отметил первый шаг Генерального штаба на пути к освобождению от зависимости.

VI

К сожалению, принадлежность к королевской фамилии не гарантирует наличия тактических способностей. Действительно, две из трех прусских армий под руководством прин-

цев крови скорее препятствовали, чем способствовали успеху операции. Но Мольтке, как никогда, был уверен в себе и в безупречности своих планов.

Часть планов Мольтке состояла в следующем. Ограничить роль итальянской армии и свести ее к удерживающим боям в Южных Альпах; более честолюбивый план, который включал наступление на Вену, был (пожалуй, разумно) отвергнут. Учитывая роль, отведенную итальянцам, австрийцам пришлось бы попусту растратить лучшие силы. Именно так и произошло. Эрцгерцог Альбрехт, наиболее видный кандидат из членов династии на командование войсками, поспешил устроиться на спокойный итальянский фронт под тем предлогом, что нельзя ставить репутацию династии под угрозу поражения от какой-то Пруссии.

Самое плохое, что могло бы произойти с Мольтке, так это то, что ему помешали бы в каких-то частностях, а лучшее, на что он мог надеяться, была победа, не имевшая решающего значения, которой он действительно добился. Командование богемской армией император передал генералу фон Бенедек, прекрасному знатоку Италии, но совершенно незнакомому с Богемией. Бенедек умолял использовать его там, где бы он мог принести больше пользы. Франц-Иосиф категорически отменил его возражения. После войны Бенедек, проигравшему битву, пришлось с почтительным вниманием выслушивать недовольство со стороны императора.

12 мая в Пруссии была объявлена мобилизация. В целом развертывание прошло согласно плану, несмотря на некоторые ошибки со стороны командиров и неуместную оригинальность, продемонстрированную фон Фалькенштейном. Прусские колонны ворвались в Богемию с трех сторон. Австрийская пехота, вся в белом, все еще вооруженная оружием, заряжаемым с дула, словно в старые времена, шла в штыковую атаку. Смертоносный огонь игольчатых ружей помог одержать победу в боях при Сооре, Скалице, Мюнгенграце, Тратенау и Швейнхаделе. 3 июня три прусские армии сошлись на поле боя, как это и было запланировано Мольтке, и провели невиданный по размаху бой на окружение (охватывающий бой).

Однако когда в Кенигграце гремели орудийные залпы, Мольтке все еще оставался неизвестен большинству генералов. «Все в полном порядке, – отмечал дивизионный командир, получая приказы от начальника штаба, – но кто такой генерал фон Мольтке?» И все-таки Кенигграц был сражением Мольтке и его триумфом. Размытые дороги задержали прибытие армии кронпринца. С утра положение казалось критическим. Мольтке вместе с королем и Бисмарком прибыли в деревню Садова. Один из командиров, сражавшихся на реке Быстрица, вновь и вновь взывал о помощи, но Мольтке оставался глух к его призывам. Он упорно следовал заранее разработанному плану. Мольтке не торопясь выбрал лучшую из сигар, предложенных Бисмарком, и заметил, обращаясь к королю: «Ваше высочество сегодня не выиграет сражение. Вы выиграете всю кампанию».

Так и произошло. Армия кронпринца, как и предсказывал Мольтке, нанесла удар в центр австрийцев. Перед прусской армией открылась Вена. Но Бисмарк преследовал конкретные политические цели, и захват Вены не входил в его планы.

Тем временем в замке Николсбург, недалеко от театра военных действий, шел бой, имевший не меньшее значение, чем сражение в Кенигграце. В этой битве впервые Генеральный штаб, невзирая на опасность, продемонстрировал невероятную преданность своему делу. Никто больше, чем Мольтке, не боялся, что кто-то будет рассматривать войну как конечную цель (он был слишком хорошим учеником Клаузевича, чтобы думать иначе).

Генеральный штаб настаивал на использовании в своих интересах военных успехов; многие офицеры мечтали пройти парадным маршем по Вене. Король встал на сторону генералов, настаивая на аннексии Саксонии (сражавшейся на стороне Австрии) и австрийской Силезии. Бисмарк проявлял большую дальновидность. Рано или поздно наступит момент

заклучения соглашения с Францией, а она ни за что не допустит прусской гегемонии в германских делах.

Борьба была ожесточенной. Генералы осыпали Бисмарка упреками, обвиняли в том, что он легкомысленно делился военными секретами с женой, которая с тем же легкомыслием заявила, что на приемах делилась ими с иностранными дипломатами. Однако Бисмарку удалось справиться и с королем, и с генералами. Мир, подписанный с Австрией, был разумным миром. Пруссия довольствовалась аннексиями в Северной Германии, Ганновером, Гессен-Касселем, Франкфуртом и Нассау. Северные и центральные германские государства объединились в северо-германский союз под гегемонией Пруссии.

Когда-то Штейн мечтал об объединении Германии и думал, что прусская модель послужит основой для реформирования всех государств. Теперь Бисмарк подчинил стремление к единству прусскому стремлению к власти. Показательно, что северо-германский союз не признал федерального военного министра. В федеральном собрании прусский военный министр выступал в качестве представителя не только прусской армии, но и группы членов федерации, связанных с прусской армией военными соглашениями. Трудно найти аналогию подобной конституционной аномалии.

Что касается Мольтке, то победа принесла ему славу. Прусские короли никогда не скупались, награждая за военные успехи. На полученные деньги Мольтке купил поместье в Крейсау. Времена изменились, и Мольтке стал членом федерального собрания.

Теперь он был известной личностью. После Кенигграца его узнали в Европе, а Генеральные штабы южногерманских государств, подобно Бадену и Вюртембергу, зондировали почву в Пруссии. Прусский Генеральный штаб неожиданно приобрел влияние в международной политике.

VII

Пруссия вершила историю без согласия Франции, а Франция вряд ли бы простила подобную дерзость и молча согласилась с рождением новой власти в центре Европы. На этот счет Бисмарк не испытывал никаких иллюзий. Он считал, что проблему удастся решить только силой оружия. Он был достаточно расчетлив, чтобы повернуть проблему к собственной выгоде.

Франция делала попытки установить контакты с Австрией. Эрцгерцог Альбрехт поехал в Париж для ведения переговоров с французскими генералами и военным министром. Обговорили план, согласно которому французская армия должна была пробиться к Майну и объединиться с австрийцами для решающей битвы у Лейпцига. В то время у Франции уже были первые магазинные винтовки и скорострельное оружие. Все это было замечательно, но беда в том, что переговоры так и застыли на стадии обсуждения.

В начале 1867 года, когда Мольтке уже собирался начать наступление, Наполеон предъявил права на Люксембург. Бисмарк дожидался возможности поставить Францию в затруднительное положение, и Франция попала в ловушку. Когда Гогенцоллерны выдвинули кандидата на освободившийся испанский трон, Франция действовала в лучших традициях мелодрамы, но едва ли предполагала, что в дело ради достижения политических целей вмешался такой изощренный политик, как Бисмарк. Хотя Наполеон, уже до смерти уставший, в целом не стремился к борьбе, а прусский король не интересовался объединением Германии, Бисмарк, сделавший ход конем, добился войны.

В ночь на 16 июля в Пруссии прошла третья за декаду мобилизация. Мольтке отлично провел подготовительную работу. Генеральный штаб теперь работал в полную силу с точностью часового механизма. На театр военных действий были отправлены три мобильные группы. Кроме начальника, двух его адъютантов и трех подполковников, которые стояли во

главе групп, в состав штаба входили девять офицеров, три майора, шесть капитанов и один премьер-лейтенант, скромная цифра, если учесть недавно обретенную значимость и ответственность, возложенную на Генеральный штаб.

В создании планов Мольтке исходил из учета двух моментов: отставание Франции в развитии железнодорожной системы и общее разложение французской армии. Да, ядро армии составляли профессиональные солдаты, имевшие скорострельное оружие, но командующие французской армией не обладали ни высокими интеллектуальными способностями, ни гибкостью ума. И даже в этом случае пруссаки вполне могли попасть в невыгодное положение. В общих чертах план французов заключался в наступлении двумя армиями (в направлении Шварцвальда) с тем, чтобы разделить северные и южные государства. По мнению Мольтке, при самых неблагоприятных обстоятельствах французы могли пересечь Рейн 25 июля и прорвать прусскую оборону. С другой стороны, если французы затянут с наступлением до 4 августа, то можно поискать решение на левом берегу Рейна. Решение вопроса Мольтке намеревался осуществить на французской земле.

Первоначально его план заключался в следующем. Три армии начинают наступление с территории, ограниченной Майнцем, Шпайером и Триром, выходят с фланга противника и уничтожают его на Саарской земле. Несмотря на то что французы действовали именно так, как предвидел Мольтке, первоначальный план подвергся изменениям, поскольку генерал фон Штейнмец, один из командующих армиями, слишком вырвался вперед во время наступления. Внеся коррективы, Мольтке отдал приказ развернуть прусские войска, пересечь реку Мозель с тем, чтобы отрезать французов от Парижа и прижать их к границе нейтральной Бельгии. Из-за ошибок, допущенных командующими армиями, вроде Штейнмеца, принца Фридриха-Карла, неуместного вмешательства короля и военного министра этот план также удалось осуществить лишь наполовину. Некоторые августовские сражения принесли неожиданный успех. Одна из французских армий под командованием маршала Базена оказалась запертой в Меце, где и капитулировала после длительной осады, а другая, в сопровождении императора, была окружена в Седане и, не устояв перед пруссаками, сдалась. Эта была самая большая победа прусского Генерального штаба, а главное, Мольтке и его сотрудники стали считаться в армии полубогами. Двое, в то время не получившие известность, а впоследствии ставшие командующими германской армией, стали свидетелями драматических событий в Седане. Одним из них был Август Макензен, в то время сержант 2-го лейб-гусарского полка, другим – батальонный адъютант 3-го полка Пауль фон Гинденбург.

Несмотря на явный успех, Мольтке столкнулся с двумя силами, ограничивающими сферу его влияния. Главной из этих сил был опять же Бисмарк. Он, как и прежде, выступал выразителем идеи ограниченной войны. Мольтке был в корне не согласен с подобной концепцией. Осталась запись разговора Мольтке с кронпринцем, во время которого кронпринц поинтересовался, что произойдет после взятия Парижа. Мольтке ответил: «Мы двинемся на юг Франции, чтобы окончательно уничтожить врага».

Кронпринц. А что случится, когда мы исчерпаем собственные силы, когда больше не сможем выигрывать сражения?

Мольтке. Мы должны всегда выигрывать сражения. Мы должны полностью разгромить Францию.

Кронпринц. А потом?

Мольтке. Будем диктовать такой мир, какой захотим.

Кронпринц. А если по ходу дела мы умрем от потери крови?

Мольтке. Мы не должны умереть от потери крови. Если мы сделаем все, как надо, то в результате получим мир.

Затем кронпринц спросил, может ли Мольтке проинформировать его о текущей политической ситуации. «Нет, я занимаюсь исключительно военными вопросами», – ответил Мольтке.

Различия в точках зрения Бисмарка и Мольтке со всей очевидностью проступили во время обсуждений условий мирного договора. Война затягивалась, и Бисмарк, опасавшийся австрийского и британского вмешательства, хотел любой ценой закончить войну. Следовательно, обязательным условием является захват Парижа, и в этом случае не обойтись без артиллерии. Мольтке возразил, что они испытывают нехватку в тяжелой артиллерии и в первую очередь следует навести порядок в Германии. В ответ Бисмарк напомнил ему ряд случаев, в которых был виноват Мольтке, и заявил, что усмотрел личные мотивы там, где место было только техническим соображениям. И в самом деле, был момент, когда кронпринцесса, дочь королевы Виктории, высказалась против обстрела Парижа; к тому же Мольтке был женат на англичанке.

Бисмарк обвинил Мольтке в том, что он попал под английское влияние. Защищаясь, Мольтке настаивал, что действовал исходя исключительно из военных соображений. Дело зашло так далеко, что Мольтке решил поставить короля перед выбором: или Бисмарк, или он. Мольтке изложил свои мотивы в докладной записке, но записка так никогда и не была отправлена; она была только зарегистрирована и подшита в дело. Думается, что Мольтке просто хотел выплеснуть накопившееся возмущение и обиду на бумагу.

Но вот дело дошло до обсуждения мирных условий. Предложения Мольтке отражали чувства победителя. Он требовал объединить старые имперские территории Эльзаса-Лотарингии с новой германской империей; создать стратегический гласис на западе, состоящий из Западной Лотарингии, части Бургундии и таких важных пунктов, как Нанси, Люневиль, Бельфор, Монбельяр. Впоследствии именно они сформируют часть восточной оборонительной системы Франции. Он хотел закрепить победу и считал, что в следующей франко-германской войне с самого начала Франция должна оказаться в невыгодном положении. Бисмарк, руководствуясь скорее политическими, чем военными соображениями, требовал вернуть Эльзас и Лотарингию. Он не хотел слушать ни о каком стратегическом гласисе. Единственно чего удалось добиться Мольтке, так это крепости Мец.

Второй силой, с которой столкнулся Мольтке, оказался Леон Гамбетта. Этот молодой юрист был лидером крайне левых буржуазных республиканцев во Франции. В его лице Мольтке впервые столкнулся с современной демократией. В правительстве национальной обороны Гамбетта совмещал должности военного министра, министра финансов и иностранных дел Франции. С невероятным фанатизмом он штамповал новые армии на севере и западе Франции и умышленно развязывал народную войну против прусских захватчиков.

Для обороны Парижа были стянуты все свободные силы, которыми располагала Франция. Мольтке всегда рассматривал войну как противоборство регулярных армий. Само по себе достаточно плохо, писал он в то время брату Адольфу, что теперь, как никогда, война приобретает новый характер, замешанный на ненависти народов. Нельзя натравливать народы друг на друга. Такой путь ведет нас не к прогрессу, а возвращает обратно к варварству. Этот семидесятилетний человек, любимой книгой которого была Библия, уже вглядывался в очертания совершенно новой войны. Он, сам того не подозревая, участвовал в подготовке войны нового уровня. Любопытно, что Людендорф, представитель следующего поколения, заявил, что кампания 1870 года вообще не была войной.

VIII

Новая Германская империя представляла странную смесь из элементов конституционного государства и пережитков эпохи монархического абсолютизма. Империя имела

рейхстаг, или имперский парламент, сформированный на основе всеобщего избирательного права, и канцлера вместе с горсткой государственных секретарей. Примечательно, что среди последних не было военного министра, но, как мы уже знаем, Бисмарк хотел возложить ответственность за решение военных вопросов на прусскую армию. В результате прусский Генеральный штаб стал высшей военной властью. Баварский Генеральный штаб был сохранен, но стал просто тенью, второстепенной властью. Зачастую государства империи направляли офицеров на службу в прусский Генеральный штаб. План создания федерального командного министерства так и остался на уровне обсуждения. Вообще говоря, возведение империи подгонялось под личную политику Бисмарка.

Теперь Германская империя обладала лучшей в мире армией, а Генеральный штаб служил образцом для других государств. Кроме того, один из величайших государственных деятелей своего времени решал вопросы, связанные с внешней политикой. Однако не все было так уж благополучно. Как нельзя собрать ягоды с чертополоха, писала в то время кронпринцесса своей матери, королеве Виктории, так нельзя ожидать от Бисмарка того, чего страстно желает Германия, а именно мира между различными классами общества и разными народами, религиями и партиями, дружеских отношений с соседями, свободы и справедливости. Возможно, принцесса была пристрастной, но нельзя отмахнуться от ее слов.

Отец принцессы, принц-консорт, когда-то мечтал о действительно свободной Германской империи. Еще живо было то поколение, которое являлось свидетелем больших социальных конфликтов. В нем был источник либерализма благородного кронпринца, а последовавший за войной экономический подъем, казалось, усилил его надежды. Однако приток новых денежных средств вызвал новые проблемы. Германия, как государство, поздно появилась на европейской сцене. По этой причине она боялась оказаться в отстающих. Вполне естественно, она испытывала чувство неудовлетворенности, которое выражалось в настойчивом отстаивании своих прав, принимавшем довольно грубые формы. Теперь высокомерный, презрительный тон, который так ненавидел Ницше, стал отличительным признаком типичного германского офицера. Сюда вписывалась и грубая демонстрация богатства со стороны новых деловых и промышленных магнатов. Дворец железнодорожного короля Страусберга в Берлине затмил старые дворцы землевладельцев. Мир Мольтке медленно приходил в упадок.

В 1874 году Генрих фон Трейчке получил кафедру истории в Берлинском университете. Трейчке был сыном саксонского генерала чешского происхождения. Он начал карьеру как либерал, но впоследствии стал типичным представителем нового «национал-либерализма» и в конечном счете полностью избавился от либеральных настроений. Он был сторонником «Великой Пруссии» и родоначальником школы тех беснующихся милитаристских литераторов, которые добились, что для большинства европейцев Пруссия стала олицетворением не столько жестокости, сколько претенциозности и дурных манер. Только усталые, скучные и нежизнеспособные поколения, объявил Трейчке, мечтали о прочном мире; война – «превосходное лекарство для человеческой расы», из которой человечество в результате извлечет огромную выгоду.

В этой «духовной» атмосфере Генеральный штаб приобрел над умами почти мистическую власть. Благодаря победам в 1866-м и 1870 годах он заслужил звание непобедимого, а крайняя сдержанность, которая проявлялась в отношении всех текущих вопросов, заставляла испытывать к нему глубокое почтение и страх. Так родилась легенда, что некая темная сила сплетает нити народных судеб согласно собственному страшному образцу.

Тем временем Генеральный штаб занимался прозаическими делами. Именно в это время напротив рейхстага выстроили здание из красного кирпича, в котором расположился Генеральный штаб. Неуклонно росла численность персонала. В 1857 году штаб Мольтке состоял из шестидесяти четырех офицеров. В 1871 году штаб насчитывал сто тридцать пять

сотрудников. Когда в 1888 году Мольтке ушел в отставку, в штабе было уже двести тридцать девять сотрудников, из которых сто девяносто семь относились к прусской армии, двадцать пять к баварскому Генеральному штабу, десять к саксонскому и семь к вюртембергскому. В 1872 году одну треть офицеров Генерального штаба составляли нетитулованные лица. Был даже один еврей.

Этот период отмечен дальнейшими организационными изменениями. Военная академия, основной центр подготовки офицерского корпуса, перешла в распоряжение Генерального штаба, тем самым значительно расширив его влияние. Железнодорожный отдел вошел во второй, «германский», департамент, который теперь отвечал за планы развертывания и оперативные планы. Сформированный для решения всех персональных вопросов центральный департамент подчинялся непосредственно начальнику штаба.

Признание Генерального штаба повлекло за собой наплыв слушателей в Военную академию. Кандидаты подвергались строгому отбору. По окончании выпускных экзаменов офицеры проходили двухлетнюю стажировку в штабе. Кульминационным моментом в процессе обучения являлись ежегодные практические занятия, проходившие под личным контролем Мольтке.

В 1871 году вышла статья Мольтке о стратегии, своего рода наследство, оставленное немцам. По сути, секрет его методы заключался в том, что не было никакого секрета. Во время войны все решает воля и энергия командира. Зачастую невозможно полностью предсказать различные ситуации. Стратегия – это не что иное, как система произвольных приемов, ценность которых определяется способностью достигнуть с их помощью поставленной цели.

Мольтке серьезно относился к историческим исследованиям. Использование архивных материалов и оперативных данных позволяло ознакомить офицеров прусской армии с новыми направлениями в стратегии и тактике, с новыми принципами современной войны. Настаивая на полной исторической достоверности изложенного материала, Мольтке не забывал о чувстве патриотизма и уважительном отношении к традициям. При составлении официальной истории войны он руководствовался принципом «Правда, только правда, но не вся правда». В этом, в конце концов, не было ничего страшного. А вот система подготовки имела более серьезные погрешности. Знаменитый принцип Мольтке «Быть больше, чем кажешься» как нельзя лучше отражает его понимание образа штабного офицера. «Многого добиваться, но оставаться в тени», – говорил Шлифен. В результате сложился идеальный образ военного специалиста, который, несмотря на высокие моральные устои, был беспомощен и неуверен во всем, что не касалось сферы его профессиональной деятельности.

Между тем Генеральный штаб пользовался все большим уважением. Офицеры из Греции, Румынии и Турции приехали в Берлин для изучения методов работы прусского Генерального штаба. В 1871 году генерал Мирибель организовал на основе прусской модели собственный Генеральный штаб, который состоял из четырех отделов, один из которых в основном занимался изучением германской армии. В 1882 году в Турцию отправилась военная миссия под руководством генерала фон Кехлера, а на следующий год Абдул-Гамид II пригласил в Константинополь фон дер Гольца на должность инспектора военных училищ. В скором времени Гольц возглавил комиссию по реорганизации турецкой армии. По прусской модели были организованы Генеральные штабы в Италии и Японии. В 1884 году генерал Меккель был приглашен инструктором в японскую армию.

Вскоре последовали другие назначения. В 90-х годах в Китай в качестве военного советника отправился подполковник фон Фалькенхайн. Капитан Корнер уехал в Чили, где получил генеральский чин и возглавил чилийский Генеральный штаб. Сын фон дер Гольца, тоже офицер Генерального штаба, служил инструктором в высшей военной школе в Буэнос-Айресе.

В 1833 году начальник Генерального штаба получил право прямого доступа (Immediatvortrag) к главнокомандующему, даже в мирное время. Логика событий заставила пойти на этот шаг, которого добивались в течение полувека. В 1872 году Франция ввела всеобщую воинскую повинность, и Мирибель стал создателем французской резервной армии. Россия тоже ввела всеобщую воинскую повинность. Генерал Драгомиров, один из главных военных теоретиков своего времени, участвовал в кампании 1866 года как военный представитель русского царя. Воспользовавшись прусской моделью, в Главном штабе России сформировали железнодорожный отдел.

А над Германией тем временем нависла прежняя опасность. Бисмарк отчетливо понимал, что Франция лелеяла мечту о мести. Но опасность крылась в другом месте. Недавней победой Бисмарк был в значительной степени обязан нейтралитету двух держав, и он сильно сомневался, что они будут и впредь сохранять столь необходимый Германии нейтралитет. Скажем без преувеличений, что эти державы, Россия и Австрия, практически все время находились в состоянии конфликта. Однако Германия отчаянно нуждалась в добром отношении со стороны обоих государств.

Пока Бисмарк действовал на дипломатическом фронте, Мольтке переживал тревожный период. Поражение серьезно сказалось на Франции; она была ослаблена. Русские гарнизоны были раскиданы по западной части своей огромной империи. Значит, сделал вывод Мольтке, в том случае, если Франция и Россия заключат союз, германская армия будет вынуждена начать наступление в двух направлениях. На тот момент между Берлином и Санкт-Петербургом были нормальные отношения. Кутузов, царский военный представитель при прусском дворе, с искренним удовольствием воспринял весть о победе под Седаном. Но Россию трудно понять. Как показала встреча в Берлине, недостаточный энтузиазм, который сосед проявил в отношении российских дел, был расценен как проявление откровенной враждебности.

В 1827 году состоялась встреча императоров Германии, Австрии и России, а на следующий год была заключена русско-германская конвенция. Однако теперь Франция вновь обрела равновесие и стремилась максимально использовать свои людские ресурсы с помощью введения всеобщей воинской повинности. В свою очередь, Мольтке был вынужден максимально использовать свой человеческий потенциал. Он обратился с просьбой об увеличении резервных формирований, усилении полевой артиллерии, создании абсолютно автономных подразделений связи и увеличении железнодорожных подразделений. К сожалению, Бисмарк, желая оградить армию от изменчивых настроений рейхстага, взял за правило пересматривать ассигнования один раз в пять, а затем в семь лет. В результате германской армии было очень трудно угнаться за изменениями, происходящими в армиях соседей.

Возможно, более гибкая и демократичная система вызвала бы большее доверие между законодательной и исполнительной властью и, не причиняя вреда армии, действовала в ее интересах.

В период между 1872-м и 1876 годами Мольтке, на случай войны, планировал наступление на Францию из Лотарингии. Он не сомневался, что Швейцария будет сохранять нейтралитет и что Франция, опасаясь вмешательства Британии, откажется от наступления через Бельгию. Поскольку Франция постепенно накапливала силы, Мольтке временами оценивал теоретические преимущества от превентивной войны, но позиция Бисмарка по этому вопросу не вызвала сомнений, и все осталось на уровне теоретизирования.

После встречи в Берлине Россия чувствовала обиду и неудовлетворение. В течение нескольких последующих лет она подтянула армии к западным границам. Одновременно Франция укрепила пограничные крепости Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор, соединила их дополнительными внешними фортами, создав труднопроходимый барьер.

В 1879 году император, благодаря сообщению Мольтке о передислокации русских сил, перестал сопротивляться и согласился с предложением Бисмарка об альянсе с Австрией.

IX

В 1879 году к Мольтке обратился крестьянин с просьбой уговорить императора немного уменьшить бремя военных расходов. Мольтке ответил, что любая война, даже победная, оборачивается горем для народа и даже император не в силах помешать этому. Это станет возможным, только когда народы научатся лучше понимать друг друга, а для этого надо воспитывать высококонравственных и верующих людей. Но нам не удастся дожить до такого времени. Примерно в том же духе Мольтке ответил профессору конституционного права из Гейдельберга, когда тот выступил в поддержку международной организации и международных законов. Вечный мир, написал Мольтке в ответ на полученные от профессора книги, это мечта, и далеко не прекрасная мечта, а война – это звено в Божьем упорядочении мира. Международные соглашения никогда не будут иметь законной силы, и лучшее, что может сделать война, так это как можно быстрее уладить споры всеми возможными законными способами.

Как-то Гинденбург заметил, что, как старый солдат, он не верит, что существует какая-то реальная замена войны. То же самое мог бы сказать и Мольтке. Генеральный штаб признавал единственный принцип: *si vis pacem, para bellum*¹¹.

В 1879 году Генеральный штаб приступил к разработке двух планов наступления, против Франции и России. Усиление Франции оставляло меньше шансов на быстрый успех. Быстрые решения и короткие войны – вот идеал, к которому всегда стремился Мольтке, слишком хорошо знакомый с ужасами войны. Поэтому план развертывания предусматривал оборонительные бои на востоке (в случае необходимости был возможен отход к правому берегу Рейна в районе Майнц – Франкфурт) и совместное с Австрией наступление на западе с пятисоттысячной армией. Тогда, если Франция двинется через Бельгию, предполагалось встретить ее удар в низовьях Рейна и оттеснить к датским границам. Теперь и Бельгия прибегла к всеобщей воинской повинности и принялась за строительство системы фортификационных сооружений. Мольтке рассчитывал на помощь со стороны Италии при отражении удара с запада. Шесть итальянских корпусов должны были быть переброшены через Альпы в верховья Рейна.

В 1882 году армия получила первое серьезное пополнение. Были сформированы тридцать четыре новых батальона, сорок полевых батарей и два батальона тяжелой артиллерии. Спустя шесть лет армия пополнилась пехотными батальонами и двадцатью тремя батареями. Появилось два новых армейских корпуса, 16-й и 17-й, а в 1884 году, по примеру французов, были сделаны первые аэростаты, которые располагались прямо над Генеральным штабом.

В 1887 году Мольтке внес предложение совместно с Австрией выступить против России. Бисмарк счел это предложение «преждевременным». Канцлер полагал, что желание Генерального штаба начать превентивную войну вытекает из атмосферы, которой пропитано это учреждение, и со своей стороны посчитал такой шаг слишком опасным для Германии. Вставал единственный вопрос: что же произойдет, когда у вас будет энергичный начальник штаба в сочетании со слабым, некомпетентным монархом и канцлером без политических перспектив и без властных полномочий?

Когда Бисмарк писал эти строки, уже был заложен фундамент для подобного развития событий.

---

¹¹ Если хочешь мира, готовься к войне (*лат.*).

Начиная с 1882 года стареющий Мольтке, неоднократно обращавшийся с просьбой об увольнении, зачислил на службу в качестве генерал-адъютанта и заместителя генерала Вальдерзе. Однако Мольтке, этот морщинистый старик, ему уже было около девяноста лет, был все еще хозяином красного дома на Кенигсплац. Все, кто видели его идущим в Тиргартен в длинной генеральской шинели и фуражке, вполне могли принять его за какого-то философа древности. Он давно уже был одинок. В 1868 году умерла его жена, которую он любил больше всего на свете. Спустя двадцать лет он похоронил двух императоров, старого императора и несчастного, обреченного Фридриха, защитника германского либерализма.

1 августа 1888 года новый император Вильгельм II удовлетворил просьбу Мольтке об отставке. Мольтке уехал в Крейсау, в поместье своего племянника Вильгельма фон Мольтке. Однажды, в самый мрачный для Германии час, внук Вильгельма скажет, что тот дух, которым были отмечены последние годы жизни Гельмута фон Мольтке, был духом мудрости, великодушия и здравого смысла.

Эксцентричный, тщеславный и слабохарактерный новый император вызывал у Мольтке предчувствие, что Германию ждут тяжелые времена. В одной из последних речей в рейхстаге (он произнес ее в 1890 году) Мольтке вновь заговорил о неизбежности большой войны. Если вспыхнет война, повисшая словно дамоклов меч над головой немецкого народа, то трудно предсказать, каким будет конец, поскольку в ней примут участие самые сильные мировые державы. Ни одну из них нельзя уничтожить в одиночку. Война может продлиться семь, а может – двадцать лет. И горе тому, кто разожжет в Европе пожар. Картина короткой войны постепенно исчезала. Старик видел острее современников, хотя его глаза начали тускнеть.

Весной следующего года Мольтке нанес визит в Берлин. Утром 24 апреля он посетил заседание верхней палаты, а вечером слушал музыку в компании гостей. Почувствовав усталость, он вышел в соседнюю комнату. Один из племянников, заметив, что дядя слишком долго не возвращается, пошел выяснить, в чем дело. Он нашел дядю сидящим в кресле. Тот еще дышал, но уже не мог говорить. Мольтке перенесли в его комнату и положили на кровать. Последний вздох, и его не стало.

Глава 5

ПРЕВЕНТИВНАЯ ВОЙНА ИЛИ COUP D'ETAT

Вальдерзе

I

На пороге нового столетия появился роман под названием «Йена или Седан»¹², написанный молодым малоизвестным автором Францем Адамом Бейерлейном. Книга затрагивала остросовременные вопросы и, хотя не обладала литературными достоинствами, вызвала значительный интерес.

Шарнхорст, Гнейзенау и Бойен настаивали, что армия должна быть школой нации, но теперь люди начали отклоняться от многих постулатов, на которых строилась армия, и это, как показал в своей книге автор, не могло не сказаться на морали. Повествование представляет историю вымышленного 8-го полка полевой артиллерии, офицеры которого, по большей части карьеристы, не слишком задумывались об истинном характере своих обязанностях и относились к ним как к скучной, рутинной работе. Среди них были бездельники, пижоны и вольнодумцы. Командир полка, гуманностью и выдержкой напоминавший Мольтке, производил впечатление безнадежно устаревшего человека. Единственный полковой идеалист пустил себе пулю в голову. Человек, который вынашивал в сердце идею реформирования и понимал, что старая система образования ведет в никуда, вышел в отставку и занял пост в военной промышленности. Там, по крайней мере, знали, как следует использовать его профессионализм. И последний, не менее типичный пример. Высокомерие одного из молодых офицеров буквально загоняет младшего капрала Вогта в ряды социалистов.

Книга, конечно, страдала преувеличениями (так случается во всех романах, написанных с определенной целью), но автор был искренне обеспокоен состоянием армии. Действительно, на протяжении сотен лет основы военной организации оставались неизменными. Предполагалось, что муштра и бесконечные построения воспитывают у рядовых чувство патриотизма, которого многие были полностью лишены, и являются основными средствами для поддержания дисциплины и дееспособности современной армии. Сродни безумию было предполагать, что армия всегда будет придерживаться системы полупатриархальных отношений и что крутые меры против всех, кто подозревался в симпатиях к социалистам, могут каким-то образом повлиять на этот процесс.

Серьезные изменения, происходившие в социальной и экономической сферах, не затрагивали армию. Большинство старых генералов не хотели никаких изменений. Когда один из по-настоящему значительных реформаторов своего времени генерал фон Шлихтинг в 1888 году отметил, что старые уставные правила помогли одержать победу в трех войнах, фон Папе ехидно поинтересовался, зачем же тогда вводить новые правила. К сожалению, фон Папе был весьма влиятельной фигурой.

Гениальная личность, захватившая в тот момент армию и имевшая полную свободу действий, вероятно, могла бы внести изменения, которые бы повлияли на будущее не только самой армии, но в целом Германии. Преемник Мольтке, Вальдерзе, не был гением, но был энергичным и высокоинтеллектуальным человеком. Кроме того, он обладал невероятным шармом.

---

¹² Роман переведен на русский язык.

Эта особенность, безусловно, способствовала его карьерному росту, но сказывалось и происхождение. Мы уже упоминали о роде Анхальт-Дессау и знаем, что член этой семьи был одним из генерал-адъютантов Фридриха Великого, другой, фон Беренхорст, военным историком. Вальдерзе относились к боковой ветви этого великого рода и более столетия отличались достижениями в гражданской и военной сферах деятельности.

Альфред фон Вандерзе родился в 1832 году. Его отец был прусским генералом, а мать дочерью генерала. Детство Вальдерзе прошло в Берлине, в котором господствующее положение занимала старая аристократия; их особняки располагались вдоль Вильгельмштрассе. Он, как положено, прошел курс обучения в кадетской школе и в 1830 году в чине лейтенанта поступил на службу в артиллерию. Во время кампании 1866 года Вальдерзе был адъютантом принца Карла Прусского. Летом следующего года его перевели в Генеральный штаб. Опыт, приобретенный в качестве адъютанта, во время службы в Генеральном штабе и в качестве военного атташе в Париже, определил его дальнейшую карьеру. Из застенчивого и нерешительного молодого человека он превратился в офицера, который чувствовал себя как дома при дворе и в дипломатических кругах. Природа подарила ему привлекательную внешность, способность быстрого и острого восприятия, временами граничившую с поверхностностью, и уступчивый характер. Вальдерзе пребывал в полной уверенности, что нет такой ситуации, из которой он не сможет найти выхода, и нет задачи, которая бы оказалась ему не по плечу. К сожалению, он был не способен взглянуть на себя со стороны и трезво оценить свои способности. Обидно, что, несмотря на его привлекательность, временами в силу невероятной наивности он выглядел, мягко говоря, смешным. Как-то король сказал Вандерзе, что по сути он «прислуга за все», и эта шутка наполнила его огромной гордостью. Однако штабные офицеры называли его иначе.

Его депеши из Парижа, содержащие точные оценки сильных и слабых сторон французской армии, привлекли внимание Бисмарка, Мольтке и кайзера. Благодаря этим депешам Вальдерзе стал личным адъютантом кайзера. Сразу же после окончания военных действий Вальдерзе, как доверенное лицо Бисмарка, был назначен прусским поверенным в делах в Париже, а затем вернулся в армию.

Казалось, что судьба благоволит к Вальдерзе. Он получал военные назначения, которые сулили ему политическое влияние. Короткое время командовал 13-м уланским полком, затем стал начальником штаба 10-го армейского корпуса, вновь оказавшись под началом лица королевского происхождения, а именно принца Альбрехта Прусского. В довершение всего он женился на богатой американке, в девичестве мисс Мэри Ли, бывшей жене принца Шлезвигского. Это имело важные последствия. Во время кризиса, следовавшего за освободительными войнами, семья Вальдерзе понесла финансовые потери, и женитьба помогла ему сохранить дом и жить на широкую ногу.

Он сделал хорошую карьеру, но для историка интерес к Вальдерзе основывался на его дневнике. Привычка вести дневник зачастую связана с желанием человека, лишенного возможности высказаться, на бумаге изложить свои наблюдения и впечатления. Большинство наблюдений, заполнивших многострадальные тома дневника Вальдерзе, отмечены самодовольством и глупостью, и кажется маловероятным, чтобы кто-то захотел выслушать его; ему бы просто не дали говорить. Тем не менее, он пользовался большой популярностью, и нам ничего не остается, как полагать, что Вальдерзе, ведущий дневник, сильно отличался от Вальдерзе-офицера, обаятельного, светского человека.

II

Однако у Вандерзе были и врага. В одном из писем королеве Виктории кронпринцесса заметила, что Вальдерзе и вполнину не обладает военным талантом Мольтке, что он

неискренний и не заслуживает доверия. Во-первых, нет нужды придавать слишком большое значение суждениям этой экзальтированной особы. Во-вторых, есть простое объяснение ее нападок. Вальдерзе вел неустанную войну против либерализма дочери принца-консорта и его зятя, называя их «английскими демократами». Вальдерзе действительно питал страсть к интриганству, и некоторые новшества, которые он вводил, довольно безобидные по сегодняшним меркам, должны были поражать тех, кто был воспитан в старых традициях, своей неискренностью и лицемерием. Начальник штаба, который с помощью прессы нападал на своих противников, вполне мог казаться совершенно неуместной фигурой.

Странная вещь. Ведь, по сути, Вальдерзе не наделен острым умом. Для него не существовало нюансов в политике и в морали. Он считал, что с революцией следует бороться предпочтительно с помощью силы. Угрозам с любой стороны следует противопоставить превентивную войну. Он не мог оценить по заслугам дипломатический артистизм Бисмарка; он называл это неустойчивой политикой. Подобная оценка вполне объяснима с точки зрения человека, не воспринимающего тонкие политические нюансы. Самое удивительное, что он был невероятно подвержен панике. Но это общая беда военных.

Вальдерзе совсем не разбирался в людях. Он связывал надежды с принцем Вильгельмом, считая, что нашел в нем родственную душу. Никогда и никто не обманывался сильнее! Чувство неудовлетворенности и разочарования омрачили последние годы жизни Вальдерзе.

Но безусловно, Вальдерзе обладал определенной привлекательностью. Бисмарк был о нем очень высокого мнения, а Мольтке считал человеком исключительных способностей. Вальдерзе завоевал любовь и привязанность многих людей. Казалось, от него исходили волны уверенности в этот измученный и нерешительный мир, и, как показывает его дневник, он сам заряжался этой уверенностью.

В 1878 году его кандидатура рассматривалась на должность посла в Вене. Теперь, когда была предпринята попытка покушения на старого императора, Вальдерзе стремился занять пост начальника берлинской полиции. Он был уверен, что может раз и навсегда покончить с подрывной деятельностью. «Как я презираю банду либералов, захвативших парламент! – писал он в связи с одной из попыток покушения на короля. – Они пленники собственного многословия и с каждым годом отодвигают страну назад». Блаженны те, кто видит мир в черно-белых тонах, но им редко удается повлиять на людские судьбы.

III

В один прекрасный день генерал Альбедиль, сменивший Трескова на посту начальника военного кабинета, заметил Вальдерзе, что тот должен беречь здоровье в ожидании своего часа. Казалось, Вальдерзе не усмотрел ничего странного в этом замечании. Гораздо удивительнее это кажется тем, кто, оглядываясь назад, создает мнение об этом человеке. Мы помним, как в 1881 году Мольтке считал свою ношу все более и более невыносимой и просил дать ему заместителя, на которого он бы мог переложить часть работы. В этом смысле он возлагал большие надежды на Вальдерзе. Он ценил Вальдерзе за оригинальность, смелость и готовность принимать решения. Высшие военные круги одобрили выбор Мольтке. В 1882 году Вальдерзе был назначен на должность генерал-квартирмейстера в большой Генеральный штаб и, поскольку Мольтке предоставил ему полную свободу, взял на себя решение всех практических вопросов.

Мольтке панически боялся всего, что было связано с политикой. Вальдерзе просто не мог держаться вне политики; не позволял характер. Он воспользовался возможностью, которую в полной мере предоставила ему новая должность. Теперь он мог говорить свободно. Его речь была непосредственной, наивной, но все же впечатляла. Ему, конечно, очень помог

авторитет Мольтке, но, кроме того, он нашел союзника в лице генерала Альбедиля, который надеялся вместе с Вальдерзе освободиться от влияния военного министерства.

Особенно болезненным был вопрос о доступе к императору, и именно здесь был нанесен первый главный удар. Начиная с 1883 года Вальдерзе получил право прямого доступа к императору, минуя военное министерство. Мольтке этого даже не приходило в голову. Если он понадобится императору, говорил Мольтке, то тот пошлет за ним. У Вальдерзе был другой взгляд на вещи.

Начало было удачным, а дальше пошло еще лучше. Одним из первых действий, принятых Вальдерзе, опять же вместе с Альбедилем, стала замена Камеке более подходящим для должности военного министра генералом Паулем фон Шелендорфом, бывшим начальником оперативного отдела Генерального штаба. Новый министр был всецело за полнейшее использование прав прямого доступа и относился к тем, кто настаивал на изъятии Генерального штаба от опеки военного министерства. Но Вальдерзе целил еще дальше. Он стремился превратить военное министерство в обычную административную службу, а всю реальную власть передать Генеральному штабу. Ему не удалось достичь поставленной цели, однако в последующие годы (с подачи Вальдерзе) Генеральный штаб стал отвечать за разработку принципов военного искусства и проведение маневров. Но Вальдерзе был не из тех людей, которые замыкаются в узко ведомственной сфере. Он поддерживал контакт с министерством иностранных дел, в котором имел конфиденциальные отношения с Хольстеном. Кроме того, с помощью военного атташе он, неофициально, представляет собою наполовину военную, наполовину дипломатическую разведывательную службу. Вскоре посол в Санкт-Петербурге генерал фон Швейниц написал, что режим Вальдерзе – Альбедиля создал «весьма представительную дополнительную тиранию» в пределах режима Бисмарка.

Достигнув выигрышной позиции, отважный офицер погружался в неизведанные моря публичной деятельности. Под началом майора Заха, начальника разведывательной службы, было открыто пресс-бюро, и ряд офицеров в отставке, отличившихся бойким пером, были приняты на работу в качестве так называемых «газетных гусар». Среди них был майор Шейберт, бывший военный обозреватель в армии Роберта Е. Ли. В основном эти господа писали для ультраконсервативной «Kreuzzeitung», издатель которой, большой любитель развлечений и по гроб жизни обязанный фон Гаммерштейну, был во всех отношениях в долгу и перед Вальдерзе; издатель получил от Вальдерзе на газету сто тысяч марок. Вальдерзе не избегал и окольных путей. Он установил контакт с сомнительной личностью, Эрнстом Шуманом (одно время он был корреспондентом «New York Herald»), который вроде бы принимал участие в ритуальном убийстве. Прямо скажем, странная компания для одного из духовных наследников Гнейзенау.

Такому неугомонному человеку, как Вальдерзе, было трудно удержаться от того, чтобы не влезать в вопросы высокой политики. Его высказывания были столь непосредственными, что должны были вызывать ужас у людей, воспитанных в традициях классической дипломатии. У империи, заявлял он с трогательной наивностью, слишком много врагов. Французы, славяне, католики – это все враги. Только большая война поможет избежать трудностей. В 1873 году ему хотелось сразиться с Францией, но, поскольку он разделял мнение Мольтке, что решающим является Восточный театр военных действий, Вальдерзе сосредоточил свое внимание на России. В 1878 году Вальдерзе хотел (с помощью Англии) воевать с Россией и охотно говорил о мобилизации Австрии, Италии и Турции.

В 1882 году Вальдерзе познакомился с молодым Вильгельмом, сыном кронпринца, который, как он написал в своем дневнике, «произвел приятное впечатление». Вальдерзе опять задумался о нападении на Россию и установил тесные связи с фон Беком, начальником австрийского Генерального штаба. Одновременно он развернул кампанию в прессе против перевооружения России, преследуя двойную цель. Во-первых, оказать влияние на рейхстаг

по вопросу перевооружения Германии и, во-вторых, понизить курс русских акций на фондовой бирже. Кроме того, он напряженно работал над мобилизационными планами и настаивал на дальнейшем укреплении вооруженных сил. Были установлены тесные отношения с военной промышленностью, и генерал Будде, глава железнодорожного отдела Генерального штаба, стал директором оружейного завода.

Огромную проблему представляла позиция рейхстага. После победы во франко-германской войне народ, в отличие от Генерального штаба, испытывавшего серьезное беспокойство, почувствовал уверенность в завтрашнем дне. Военные же расходы тяжелым бременем ложились на плечи народа, и большинство людей считали излишним увеличивать расходы на укрепление армии.

Оппозиция существовала и при дворе, и в армии. Одну из таких оппозиций возглавлял кронпринц. Вальдерзе незамедлительно начал строить козни против генерала Мичке и маршала фон Нормана, активных оппозиционеров из окружения кронпринца. В оппозиции находился и ряд генералов; особенно усердствовал Винтерфельд. Генералы не делали политики, но в данном случае было крайне важно, что эти люди, придерживавшиеся умеренных взглядов, считали Шлихтинга преемником Мольтке на посту начальника штаба. В ряде превосходных книг Шлихтинг выразил идеи Мольтке. Вальдерзе доверил своему дневнику, что он лучше и достойнее Шлихтинга. Судя по всему, преобладало именно такое мнение.

Большие надежды Вальдерзе возлагал на внука императора, молодого принца Вильгельма, которого в 1884 году сопровождал к царю. В 1885 году он пишет в дневнике о тесной дружбе с этим тщеславным и неуравновешенным молодым человеком. Вальдерзе говорит о нем как о человеке непредубежденного ума, ярком, настоящем трудоголике. В те годы Вальдерзе полагал, что при принце Вильгельме ему удастся осуществить свои планы. Лыстец поторопился. Он стремился выиграть большой приз, чем мог предложить принц с его неопределенным будущим.

IV

В 1886 году Вальдерзе повел наступление на проводимую Бисмарком политику и делал намеки на спад деловой активности старого канцлера. Он отчаянно стремился занять место канцлера, и последние годы его жизни были омрачены сознанием, что его не смогли оценить по достоинству. Его трагедия состояла в том, что, несмотря на внешний блеск, он, по сути, абсолютно не подходил на роль канцлера, и даже погрязшая в интригах Германия времен Вильгельма II оказалась достаточно разумной, чтобы понять это.

Однако Вальдерзе упорно преследовал свою цель. Поводом к вражде послужил тот факт, что в рейхстаге Бисмарк полагался на национал-либералов, а Вальдерзе нашел поддержку у правого крыла консерваторов.

В 1887 году, когда неожиданно выяснилось, что кронпринц болен раком, соперничество достигло критической отметки. Кронпринц умер, не прожив и года. Вальдерзе ждал чего-то подобного. Теперь открывался путь для молодого принца Вильгельма, чьим фаворитом был Вальдерзе. Появилась пища для интересных размышлений. Обстановка становилась все более напряженной. Первый тур борьбы развернулся вокруг Стокера, придворного капеллана. Стокер происходил из незнатного рода, работал репетитором в домах богатых землевладельцев и находился под впечатлением, возможно чрезмерным, той жизни, которую вели эти люди. Кроме того, будучи пастором в промышленных районах, он смог достаточно глубоко изучить социальные проблемы. Теперь он возглавлял берлинскую миссионерскую организацию и стремился развернуть массы от социализма к христианству. Вальдерзе заключил со Стокером союз. Хотя трудно сказать, насколько сильно он разделял энтузиазм Стокера.

Стокер организовал социал-христианскую рабочую партию, которая с течением времени дала жизнь социал-христианскому движению. Вскоре это движение стало центром, вокруг которого объединились недовольные существующим положением мелкие буржуа, причем явной антисемитской направленности. Правда, в течение определенного промежутка времени Стокер сыграл отведенную ему Вальдерзе роль.

Бисмарк следил за карьерой Стокера, поскольку опасался, что создание католической партии может привести к появлению ее евангелического двойника. Деятельность Стокера фактически вызвала кризис. В конце 1887 года в доме Вальдерзе собрались ультраконсервативные аристократы. Присутствовали министры, председатель рейхстага и принц Вильгельм Прусский вместе с молодой женой. Принц произнес речь (на встрече стоял вопрос о финансировании берлинской миссионерской организации), в которой подробно остановился на необходимости пробудить христианские чувства трудящихся масс. Бисмарк настоялся. Преемник на трон должен быть выше партии, заявил он Вальдерзе. Это был камешек в огород Вальдерзе, и он понял это. Вальдерзе сделал вид, что согласен с мнением Бисмарка, но с еще большей активностью повел тайную войну против канцлера. В этом раунде по очкам Бисмарк переиграл Вальдерзе, но разница была незначительной.

В конце года Вальдерзе уже был уверен, что дни ненавистного кронпринца сочтены. Стоит императору уснуть навеки, и, не дожидаясь передачи скипетра принцу Вильгельму, начнется настоящая драка.

Имея Альбедилля в военном кабинете и фон Шелендорфа в военном министерстве, Вальдерзе был готов к схватке. Против него выступали Бисмарки, отец и сын, кронпринцесса, «армейские либералы» и Каприви, в то время секретарь имперского военно-морского ведомства. До конца года Вальдерзе вступил в серьезное противоречие с Бисмарком. Он по собственной инициативе сообщил в Вену, что Австрии не следует опасаться нападения со стороны России. Бисмарк выразил недовольство, вполне обоснованное, подобным вмешательством Генерального штаба в дипломатические дела.

Вместо того чтобы удержаться от отражения атаки, Вальдерзе с возросшей энергией принялся развивать собственный политический курс, благодаря которому всегда мог получить определенную поддержку со стороны военной партии в Вене и которая шла вразрез с политикой конкурента. В 1888 году он вновь стал настаивать на необходимости наступления на Восток. Прошли штабные переговоры с представителями Италии и Австрии, и Вальдерзе рассчитывал, что, стоит начаться стрельбе, Румыния тоже окажет ему поддержку.

Вальдерзе не останавливался ни перед чем. В 1886 году генерал фон Лое написал Вальдерзе, что бисмарковская «политика умиротворения» потерпела неудачу и появились блестящие шансы для ведения «двойной войны». Следует настроить Англию, Турцию и Италию против России и направить британских офицеров в турецкую армию. Правда, британское военное министерство не изъявляло желания принимать участия в этом интереснейшем деле, да и турки не видели в нем никакого смысла.

Вальдерзе и его друзьям казалось, что все идет как по маслу. Россия, и это действительно так, становилась все более сильной, но Германия фактически завершила перевооружение. С точки зрения Лое, как и Вальдерзе, наступил наилучший момент для начала «двойной войны», и, будь принц Вильгельм тем человеком, которого видел в нем Вальдерзе, война могла бы иметь место. Европу спас от Вальдерзе не гений Бисмарка, а счастливое обстоятельство.

V

Старый император умер в марте 1888 года, и его преемник встретил это известие в Сан-Ремо перед лицом собственной смерти. Имей новый император крепкое здоровье, и Валь-

дерзе пришлось бы уйти в отставку. Но Вальдерзе не задумывался об этом, и конфликт с канцлером вспыхнул с новой силой.

Конечно, по сравнению с умирающим отцом Вильгельм был полон энергии. Он муштровал стражу на Темплехофер-Фелд и иногда привлекал к этому Вальдерзе. Затем кронпринц и генерал-квартирмейстер верхом во главе войска возвращались в Берлин. Играл оркестр, били барабаны, и толпы народа шумно приветствовали их на улицах. Все было так, словно они уже репетировали победное возвращение с той великой войны, о которой мечтал Вальдерзе.

Вальдерзе напряженно ждал «своего момента». Бисмарк делал все возможное, чтобы его сын Герберт впоследствии стал канцлером, и Гаммерштейн умолял Вальдерзе спасти империю от династии Бисмарков. На страницах «Kreuzzeitung» майор Шейберт выступал в защиту войны на Востоке. Бисмарк подверг его яростным нападкам. В своем дневнике Вальдерзе с возмущением писал об этих «позорных нападках» и поносил «династию Бисмарков и их мамлюков».

Мольтке пока еще поддерживал Вальдерзе. Когда Бисмарк поинтересовался, действительно ли Вальдерзе занимает свое место, Мольтке, не задумываясь, дал положительный ответ. Возможно, Мольтке был не способен разглядеть за деятельностью Вальдерзе страсть к интриганству, а может, просто в силу возраста он страшился перемен. Трудно сказать.

Весной 1888 года в рейхстаге были уверены, что, если на трон взойдет принц Вильгельм, Вальдерзе станет начальником штаба. Даже Бисмарк находился под впечатлением желания Вильгельма развязать войну. Но ни Бисмарк, ни Вальдерзе не представляли, что Вильгельм играл роль, в том числе и Верховного главнокомандующего. Его предшественники участвовали в боях. Они вдыхали пороховой дым, слышали крики раненых и умирающих, грохот канонады. Они занимались настоящим мужским, правда довольно кровавым, делом. Роль, отведенная ему предками, была слишком трудна для человека, испытывавшего врожденное отвращение к кровопролитию, поэтому он восполнял отсутствие необходимых для главнокомандующего качеств шумными речами и бряцанием оружия.

Согласно дневнику, Вальдерзе находил утешение в мысли, что сумел упрочить свое положение до смерти правителя. Вскоре после смерти несчастного мы находим такую запись в дневнике Вальдерзе: «Немногие смертные так же удачливы, как я. Вероятно, я в зените жизни». Как же он ошибался!

Подул ветер перемен. Старых генералов отправили в отставку. 10 августа в отставку ушел и Мольтке. Вальдерзе стал начальником Генерального штаба. «Назначение не удивило меня, – пишет Вальдерзе в дневнике. – Я сделал блестящую карьеру, и на меня смотрит весь мир. В этом не только моя заслуга. На то воля Божья... Временами меня посещает мысль, что это не может продолжаться бесконечно и должны наступить перемены».

Однако перемены коснулись других. Первым делом Вальдерзе нанес предательский удар по собственному окружению. Когда новый император выразил желание поставить во главе военного кабинета генерала фон Ханке, командующего 1-й пехотной бригадой, Вальдерзе, даже не опустившись до каких-либо объяснений, снял с поста старого друга Альбедия. Аналогичным образом он повел себя в отношении смены военного министра. Выяснилось, что генерал Верди дю Вернуа больше подходит на должность военного министра, чем Шелендорф, и с помощью Вальдерзе Вернуа получил эту должность.

Многие предлагали объединить Генеральный штаб и военное министерство под началом Вальдерзе. Он отклонил это предложение (тем более что Бисмарк никогда бы не дал своего согласия). Однако в положении Генерального штаба произошли заметные изменения; теперь он не был простым придатком военного министерства. В значительной степени благодаря Вальдерзе.

VI

У нового начальника штаба была обширнейшая программа. Он был всецело за проведение реформы в армии, но ратовал не за внутреннюю реорганизацию, а за изменение численности. Его совершенно не интересовали новые достижения в области техники, хотя в армиях других стран уже давно проявляли интерес в этой области. Впрочем, тут не было ничего странного; Вальдерзе был убежденным антимодернистом. Не техника, а храбрость и дисциплина принесли Пруссии победы в войнах. Однако Вальдерзе полностью не отвергал значения физического фактора, считая, что Всевышний на стороне крупных формирований.

Вместе с военным министром он разработал новые, более жесткие принципы подхода к всеобщей воинской повинности. Каждый военнообязанный должен был пройти трехлетний курс обучения. Резко увеличился численный состав пехоты и артиллерии. Кроме того, Вальдерзе провел реорганизацию Генерального штаба. Все отделы были поделены между тремя обер-квартирмейстерами (Oberquartiermeisters). В ведении первого обер-квартирмейстера находился железнодорожный сектор и 2-й отдел («германский»); он отвечал за вопросы, связанные с организацией, мобилизацией и вооружением. Это был так называемый департамент развертывания. Другой обер-квартирмейстер занимался вопросами обучения, крепостями и картами. Третий обер-квартирмейстер, под началом которого находились бывшие 2-й и 3-й отделы, занимался вопросами, связанными с теми европейскими государствами, которые не входили в ведение «германского отдела». Центральный и военно-исторический отделы, как и топографическая служба, находились в непосредственном ведении начальника штаба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.